

*АМНЕЗИЯ, или
ФАНЕРА НАД ПАРИЖЕМ*

*ВЛАДИМИР
КУПРАШЕВИЧ*

18+

Владимир Ильич Купрашевич

Амнезия, или Фанера над Парижем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31505184

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-532-11027-4

Аннотация

Когда память возвращает человека в прошлое, возникает желание многое изменить, исправить, вычеркнуть. Но ему это не дано. Спаситься можно только в беспамятстве, но и там нет гарантии, что прошлое не достанет... Книга, помимо романа, пополнена тремя рассказами, написанными в разное время, но с таким же настроением, далеким от сказочных иллюзий.

АМНЕЗИЯ

Часть первая

Неясные тени, бесконечно долго мучавшие меня, постепенно рассеиваются, и проясняется что-то большое и светлое. Пытаюсь осмыслить, что это может быть, и какими словами обозначается. Думаю, это не окно в будущее. Оно давит мне на глаза. Что же тогда? Полотно? Потолок? Скорее второе. Потолок надо мной. Реально я вижу его впервые, но мне почему-то кажется, что уже был на нем. Ползал – туда-сюда, натыкался на что-то, возвращался обратно. Может быть, ползал мысленно, но ощущение такое, словно перемещался всем телом по шершавой, обдирающей кожу поверхности. Я не знаю где я и есть ли в действительности. Был когда-нибудь или только что появился? Или этот процесс как раз и протекает? Может быть все, что мне видится лишь продолжение бреда, или галлюцинации, хотя осмыслить разницы между этими понятиями я не в состоянии. Не без усилия, приподнимаю голову и различаю несколько металлических сооружений и какие-то фигуры на них.

Какие-то существа иногда ворочаются, произносят какие-то звуки. На меня не обращают внимания. Словно меня здесь и нет. Может быть и в самом деле нет, но я же вижу контуры тела под одеялом, наверное своего, конечности, ле-

жащие поверх, тоже наверное мои, хотя слушаются с трудом и я их почти не чувствую... Наверное, я все-таки не только есть, но и был, потому что кое-какие предметы кажутся когда-то виденными, некоторые звуки узнаваемыми. Вернее, сначала я узнаю сами предметы, а потом подбираю слова, которыми они обозначаются. Дается нелегко и я даже не совсем уверен, что эти слова к месту – потолок, кровать, люди... Может быть все как раз и не так...

Те, которые рядом, похожи по очертаниям друг на друга. Вероятно, так же выгляжу и я. Значит, я в своем стаде, ... но что мы тут делаем? Нас держат для каких-то опытов или что-то произошло? Может быть, уснул на работе? Не совсем понимаю, что это такое, но слово «работа», не очень приятное и вызывает какую-то тревогу... Подбирать слова к обнаруженному предмету или понятию приходится напрягаясь, в то время как другие выскакивают сами собой и исчезают, как ни к чему не привязанные шарики.

Не успеваю выбрать одно из предположений, как откуда-то со стороны появляется что-то громоздкое – верзила в одежде такого же цвета, как и потолок и я вспоминаю, наконец, слово, определяющее этот цвет – белый. Или белый означает не цвет, или не только цвет? Верзила пристально смотрит на меня. Наверное, начальник или полицейский. Переодетый. Сейчас будет ругать, если не хуже. Ну, так и есть, он приближается. Пытаюсь заползти под одеяло, но поздно – грозный человек кладет свою лапу на мое плечо,

и я замираю. Я уже не сомневаюсь, что сейчас меня будут бить, ... есть и такое слово... приз в студию... Господи! Это-то откуда?

– Ну, наконец-то. Я уж опасался, что навсегда останешься в реанимации. Значит еще поживешь. Надо будет, конечно, подлечиться и дело пойдет на поправку.

На моем лице отражается, вероятно, не то, что ожидал верзила, потому что он, приглядевшись, хмыкает:

– Не помнишь, как попал сюда?

Я изо всех сил пытаюсь угадать значение слов, которые он произносит, но чувствую, что это мне не по силам и съеживаюсь от страха, так и не поняв, о чем идет речь. Наверное, меня уволят. Или поставят в угол, ... Может быть, отнимут фильмоскоп, который подарили на день рождения. А я не успел просмотреть и половины пленок. Они спрятаны у меня под кроватью, в коробке из-под обуви, каждая пленка в круглой пласт-массовой баночке ...

– Я так и думал, – хмурится дядька. – Ну, ладно. Я твой лечащий врач, травматолог. Мы сделали тебе операцию. Все прошло благополучно.

Я продолжаю бессмысленно таращить на мужика глаза и он, поднявшись, было со стула, к моему ужасу вновь опускается на него. Мне до безумия хочется, чтобы он поскорее ушел и перестал меня мучить.

– Имени своего ты, конечно, тоже не помнишь, – продолжает экзекуцию изверг.

Я пытаюсь натянуть одеяло на лицо и тогда начальник (наконец-то) поднимается и, качнув головой, уходит. Дожидаюсь, когда его широкая спина исчезнет, потом перевожу настороженный взгляд на своих соседей. Только бы эти не вздумали доставать меня! Мои опасения не напрасны, они действительно смотрят в мою сторону и так же, как тот мужик, покачивают головами. К счастью делают это молча, а потом и вовсе забывают обо мне.

То, что меня больше никто не достает, не приносит облегчения. Я продолжаю напрягаться, чтобы сориентироваться в пространстве, осмыслить хотя бы некоторые из звукоочетаний, которые бестолково всплывают в моей голове, и которые слышу от соседей и еще откуда-то, словно из-за стены. А, может быть это мой внутренний голос и даже не голос, а голоса – они говорят вразнобой, похоже даже каждый сам по себе. Напрягаюсь до отчаяния, и, как мне кажется безрезультатно, но перед тем как провалиться в отрешенное состояние обнаруживаю, что дело не так уж безнадежно – некоторые из тех слов, что произвольно всплывали и исчезали в сознании и которые я услышал за день, начинают обретать какое-то смутное смысловое очертание. Словно сами собой. Они уже не отвязавшиеся воздушные шарики.

Едва проснувшись (или очнувшись) я вновь начинаю колдовать над вопросом – кто я, что натворил, и какое наказание меня ждет. Догадываюсь, что узнать это можно только у того громоздкого мужика, в белом халате, но меня пугает

даже мысль о встрече с ним. Наверное, он все-таки палач. Из каких-нибудь Бурбонов... Или это из другой оперы...

Палач не заставляет себя долго ждать и вскоре появляется в сопровождении большой свиты. Все в белых халатах, словно привидения и все с очень серьезными лицами. У меня внутри все сжимается от страха. Наверное, это замаскировавшиеся судьи, у них выездная, и они пришли вынести мне приговор. Высшую меру... Напрасно они делают вид, будто никто их конкретно не интересуется – все для конспирации. На самом деле они изучают меня, даже когда смотрят в другую сторону. Я это чувствую нутром. Рядом с верзилой маленькая худенькая женщина с папками в руках.

Когда он подходит к очередной кровати она находит какую-нибудь бумагу и что-то бормочет, покачивая в такт своей головенкой. Тот, недослушав, переходит к следующему пациенту. Я-то знаю, что все это только для вида, на самом деле они пришли ко мне и специально продумали такой маршрут, чтобы я оказался последним. Только вот зачем? И что сейчас произойдет? Наверное, эта свита окружит мою кровать, а маленькая сухонькая женщина, отбросив папки, вцепится мне в горло. У нее такие цепкие пальцы... Это она сейчас, чтобы усыпить мою бдительность старательно декламирует что-то у спинки моей кровати. Наверное, перечисляет мои грехи. Верзила что-то переспрашивает и она подобострастно, по-собачьи, заглядывает ему в глаза. Наверное, время словоблудия закончилось, и она ждет команды. Ему

достаточно только кивнуть в мою сторону...

Однако он кивает в сторону двери, и вся компания отправляется куда ей указано. Сам же он возвращается и снова усаживается у моей кровати на тот же стул, на котором сидел вчера, или сегодня... Глаза у него пристальные, как будто пытается пролезть взглядом в мою черепную коробку. Я бы не возражал, если бы не боялся, что он натворит там чего-нибудь...

– Ну, как? – спрашивает он неизвестно по какому поводу, чем вновь повергает меня в панику.

Я что-то не понял? Или недослышал?

– Я имею в виду, самочувствие, – словно догадавшись о моих страданиях, спрашивает детина.

Я киваю и произношу неизвестно откуда выскочившее слово:

– Нормально.

Я впервые слышу собственный голос, и он мне кажется противно-скрипучим и словно не мной произнесенным, но мужику это нравится. Лицо его начинает сиять, как будто он выиграл конфетку.

– Ну, ну, молодец! Молодец...

Похоже, у него самого проблемы с памятью.

Похлопав своей лапой по моей руке он уже собирается подняться, но тут же оседает снова. Меня достает его присутствие, и в то же время я не хочу, чтобы он ушел вот так, ничего не прояснив ... Наверное мои мысли откуда-то вы-

глядывают, потому что он отвечает на вопросы, которые я не озвучиваю.

– У тебя не было с собой никаких документов. Вспоминаешь хоть что-нибудь? Хотя бы имя.

– Замза... – осторожно выговариваю я, и с испугом вижу выражение недоумения на его лице.

– Замза...? – тянет он. – Странно. Откуда такое?

Я робко шевелю пальцем, указывая вверх.

– Потолок, – подсказывает врач и снова становится озабоченным. – Ну да, понимаю. Насекомое. Ну, а что помнишь еще?

– Слова. Всякие. Они всплывают...

Травматолог кивает.

– Ну, это хорошо. Со временем обретут смысл... Ну а сам то ты местный или при-езжий? – явно без надежды спрашивает он.

Я напрягаюсь, чтобы зацепиться за что-нибудь из непроглядного прошлого, но окончательно провалюсь в хаос звуков, видений, всплывающих без всякого повода и ка-кой-либо связи с этим самым прошлым.

Не увидев ничего обнадеживающего, на моем тупом лице, верзила сдается.

– Ну, ладно. Отдыхай. С завтрашнего дня к тебе будет приходиться другой доктор. Все будет нормально. Мы предполагаем, что тебя сбила машина. Но ты, как я понимаю, и этого не знаешь.

Врач уходит, а я прикрываю глаза, пытаюсь понять его последние слова, но меня вдруг достает сосед по койке.

– А ты че, правда не помнишь ничего, или темнишь?

Я молчу и сосед, видимо решив что «правда», добавляет:

– Ну, ты больно-то не переживай. Это здесь бывает. Амнезия называется. Вон у нас тут лежит Егорыч. Ему по башке стукнули, когда из банка с пенсией выходил. Тоже не мог вспомнить, сколько в кармане было. Сначала говорил, что штука деревяшек, а вчера вспомнил, что не деревяшек, а долларов. Сегодня уже три. Уже евро. Курс повыше. Полегчает и тебе.

С той стороны, куда кивал сосед, раздается какое-то ворчание. Наверное, того самого Егорыча...

Проснувшись в очередной раз, наверное, утром, я с удивлением обнаруживаю, что уже понимаю немало из того, что говорят мои соседи. Правда, слов ими произносится немного, и они часто повторяются: «покурить, утка, тапки, сволочь...». Чаще всего они почему-то поминают чью-то мать, но я догадываюсь по интонации, что прямого отношения к теме она не имеет и, «скорее носит декоративный, оформительский характер» (меня удивляет внезапный каскад последних слов, произвольно всплывших, как будто я всю ночь учил их).

Разобравшись с тапками и утками, публика с энтузиазмом переключается на какое-то загадочное правительство на «ё».

Само слово «правительство» я узнаю, но то, в сочетании, с которым его употребляют, не могу понять. Наверное какое-то не наше... Потом публика вдруг теряет покой по поводу рыжего, которого все знают и терпеть не могут. Здесь достается не только его матери...

Но, самое ценное, что мне постепенно удастся расшифровать то, о чем мне толковал, и о чем допрашивал верзила. До меня, наконец, дошло, что я попал в какую-то аварию и что я в больнице. Где, когда и почему, по-прежнему неизвестно. Я успел усвоить, что громоздкий мужик – врач и вроде не собирается пытаться меня каленым железом. Хотя, кто знает...

Вопросы, которые он задавал мне, теперь я задаю себе сам и, хотя с тем же результатом, но теперь я хоть к чему-то привязан. Уверовав, что здесь мне никто не угрожает расправой, из меня не хотят сделать чучело, я уже не так опасаясь появления верзилы в белом. Его назойливость начинает надоедать мне и уже одолевают сомнения, надо ли мне вообще что-то вспоминать. Разве что для того, чтобы знать, о чем следует умолчать... а вдруг я какой-нибудь беглый с каторги и меня вернут валить лес...

К сожалению усилия мои тщетны – как старательно ни разгребая я мешанину из слов, фраз, эпизодов они лишь заводят в тупик – я словно закапываюсь в какой-то мусор. Все глубже.

Врач, которым мне угрожал верзила немного скромнее га-

баритами, но тоже озабоченный. Назвавшись невропатологом, с минуту разглядывает меня, потом спрашивает, каких успехов добился я за те дни, как пришел в себя. Меня ошеломляет его вопрос, я даже не догадывался, что можно прийти и не в себя. Это открытие сбивает меня с толку. Может быть, именно так со мной и произошло, и я влез не в себя?

Не дождавшись ответа, специалист задает загадку, сколько будет дважды два. Неожиданно для себя я называю какой-то результат, но на всякий случай вопросительно смотрю на врача. Тот как будто удовлетворенно кивает головой. Потом пытается выяснить, кто я по профессии, роду занятий или еще что-нибудь... Я в абсолютном ауте. Тогда он спрашивает, какие слова приходят мне в голову по утрам. Принимаюсь перечислять, что попало, прихватывая словечки из репертуара соседей. Связать их в логическую цепочку гиблое дело. Он мотает головой, безнадежно вздыхает, но потом вдруг спохватывается и спрашивает, женат ли я, нет ли среди слов, которые всплывают в моем сознании женских имен. Я вдруг, не зная почему, упираюсь – никаких женских имен в памяти не держу и то, что не женат, абсолютно точно. Врач, уже с любопытством спрашивает, отчего я так в этом уверен. Не знаю что ответить, но продолжаю твердить, что с женщинами дел не имею.

Невропатолог, совсем ожив, спрашивает меня о какой-то ориентации. Мне надоедает его болтовня, и я уже раздраженно заявляю, что никакой ориентации у меня нет. Наде-

уюсь, что мой категорический тон отобьет у него охоту приставать, но невропатолог как репей. Посидев немного в раздумье, он снова спрашивает – не делал ли я в последние дни прошлой жизни ремонта в квартире. Я пожимаю плечами. В какой квартире? И какой ремонт? Врач словно меня не слышит и упорно продолжает допрашивать – может быть, я маляр? Слово мне кажется, где-то слышанным и я даже задумываюсь. Лекарь тотчас приближается ко мне и просит прислушаться, не знакомы ли мне такие слова как: «кисти, краски...»

Я осторожно признаюсь, что где-то слышал, хотя сомневаюсь, надо ли ему об этом говорить.

– Ну а какие еще из этой области вы можете припомнить? – занудничает врач.

– Ну, ... палитра, – выдаю я, не особенно напрягаясь.

– Пол-литра, это знакомо всем, – влезает в беседу сосед по койке.

– И пол-литра, тоже, – не уловив подвоха, попадаюсь я.

– Ну, вот и вся задача, – заключает сосед. – Палитра и пол-литра – значит пьющий художник. Они все пьют.

– Вы кроссворды разгадываете? – отвлекается на него невропатолог.

– Лучший специалист, – отрекомендовывается сосед. – А что?

– Вот и разгадывайте, – психует невропатолог, потом на время задумывается и снова поворачивается к «гроссмейсте-

ру» – Но если подключите к этим забавам и моего пациента окажете неоценимую услугу.

– Неоценимых не оказываю, – отрезает мужичок.

– А из желания помочь ближнему? – наезжает врач.

– Это в старые времена, на энтузиазме, – хмыкает мастер по кроссвордам.

– Так это же были и ваши времена... – прищуривается лекарь.

– Да ладно! Какой базар. Сегодня принесут свежие номера, – неожиданно сдает по-зиции сосед.

– И как вам такая версия? – обращается уже ко мне невропатолог.

Я не понимаю, о чем он.

– Может быть, вы правда художник? У вас на руках были следы краски, и руки у вас не работяги.

Я не уверен, что знаю, кто такой работяга, хотя и это слово мне как будто знакомо.

– Вот смогли бы вы нарисовать... кувшин?

– Вряд ли, – на всякий случай упираюсь я.

Врач задумывается

– Странно. Может литература? ... Свифт там, Кафка... Вы же что-то поминали там...

Я окончательно сбит с толку и прикрываю глаза. Невропатолог поднимается.

– Ну ладно, на сегодня хватит. Я на вас рассчитываю. И радио старайтесь не выключать. Ему это на пользу.

Сквозь нарастающую головную боль понимаю, что последнее уже не ко мне.

Из-под приподнятых век с облегчением вижу, как спина невропатолога скрывается за дверью.

– Дурь какую-то спрашивает, – ворчит из своего угла видно недавно проснувшийся Егорыч. – Причем тут Кафка. Он же не гинеколог.

Несостоявшийся бизнесмен опускает журнал, но тоже в тему не въезжает. Так же как и я. Зато теперь мне понятно, откуда в голову набиваются всякие слова. Радио. Его специально включили, чтобы голова моя лопнула ... Мне становится не по себе, и я натягиваю одеяло на голову.

Кроссворды, с которыми на меня наехал сосед, оказались натуральной пыткой. Над каждым словом мне приходится потеть в прямом смысле. Гроссмейстер оказался плохим тренером – его бесит, когда я не могу ответить на какой-нибудь вопрос, но когда я, ка-ким-то чудом все же угадываю, он, будто меня и не слышит. В конце концов, мне эти сеансы надоедают и, когда он в очередной раз раздражается оскорблениями из-за того, что никак не могу назвать приспособление для удержания волос, я посылаю его куда-то.

Мужик сначала тарашится на меня, как будто я разгадал что-то уникальное, потом заявляет, что никакой я не больной, а только придуриваюсь. Я уже не слушаю его выводов, меня озадачивает другое – отчего то место, куда я ему выпи-

сал адрес, кажется знакомым и даже вызывает какие-то неясные эмоции? Я даже без особого напряжения вспоминаю, где оно находится, но абсолютно не могу понять, какое имеет отношение ко мне, или имело...? Может быть, я и вправду гинеколог? Хотя по разговорам мужиков кажет-ся, что над этим местом трудится не только он...

Спустя несколько дней не слишком продуктивных упражнений в словесности я перехожу к физическим. Попытки подняться я уже делал, но начало моим передвижениям положила санитарка, где-то запропастившаяся с уткой. Ждать ее появления неумоготу и я выбравшись из постели пытаюсь пройтись по палате, вдоль спинок кроватей. Перемещаться самостоятельно вроде бы получается, хотя и с потугами. К счастью соседи спят и не досаждают советами...

Высунувшись в коридор убеждаюсь, что в обозримом пространстве никого нет и отваживаюсь шагнуть за порог. Вдоль стены мне удастся беспрепятственно добраться по бесконечному коридору к заветной двери, которую я определяю по аромату. Проблема назревает, и во избежание аварии заранее оттягиваю резинку штанов и шагаю за порог. Кто-то маячит на моем пути, но мне не до него. Видение с воплем исчезает, я даже не успеваю разглядеть кто это, но по голосу догадываюсь, что женщина. Если судить по оброненной швабре – та самая санитарка.

На обратном пути пытаюсь понять, чего она так испугалась. То, что я извлек из штанов, ничего особенного не пред-

ставляет. Как у всех. По крайней мере, такой же я видел на каком-то плакате, или на стенке. В размышлениях я не сразу замечаю, что не один. Кто-то параллельно со мной, пробирается вдоль противоположной стены. Я вижу его боковым зрением, мне становится страшно, но повернуть голову не решаюсь. Замедляю шаги и чувствую, что преследователь делает то же самое. Не выдерживаю и резко поворачиваюсь. Только увидев, что незнакомая фигура тоже замерла, понимаю, что это мое отражение.

Впервые после возвращения из ниоткуда вижу себя и не могу поверить в то, что вижу. Приближаюсь к зеркалу и разглядываю коренастого мужика с бледными щеками и подбородком. Остальная часть лица чуть темнее. Боевая раскраска. Правда, на голове, с которой только вчера сняли повязку вместо разноцветных перьев короткие волосы сероватого цвета. Для убедительности шевелю бровями, открываю рот, строю гримасы. Изображение послушно повторяет мои ужимки. Значит все-таки мое.

Еще в палате, рассматривая соседей, я пытался представить, как выгляжу сам и это представление оказалось очень далеким от нынешней картинки. По убеждению на меня должно было выглянуть привлекательное лицо брюнета с карими глазами, с вьющимися густыми волосами до плеч, с крепко сколоченной фигурой, ягодицами, напрягшимися от... чего? Неважно. Но то, что я вижу в отражении похоже на обман зрения. Грязное стекло?

Стаскиваю с себя пижамную куртку и протираю ею зеркало. Ничего не меняется, разве что рожа становится еще страшнее. Теперь понятно, отчего несчастная женщина, с которой я столкнулся в туалете, вышибла лбом дверь. А тот предмет, который я извлек из пижамных штанов и на который грешил ни при чем. Не автомат же Калашникова... Другими словами я жутко не нравлюсь самому себе.

Огорченный, ползу в свою палату и забираюсь под одеяло с головой. Перед тем как заснуть пытаюсь как-то успокоить себя. Какая, по сути, разница, как выглядишь. Хоть чем-то отличаешься от других. Те, кто на соседних кроватях – не лучше. По крайней мере, гроссмейстер пострашнее будет. Может быть надо почаще подходить к зеркалу, чтобы привыкнуть к своему образу...

Невропатолог своей навязчивой идеей с рисованием достал меня окончательно. Сегодня он приволок несколько листов бумаги и карандаш, один вид которых почему-то вызывает у меня предсмертные судороги.

– Попробуйте все же изобразить что-нибудь.

После шока у коридорного зеркала у меня дурное настроение, мне хочется рыкнуть что-нибудь из репертуара моих соседей, но я воздерживаюсь и молча сую его подношение под подушку. Когда он уйдет, выброшу все к чертовой матери в урну, потому, что никакой я ни художник и, скорее всего никогда им не был, иначе от одной только мысли об этом

занятия у меня не возникало бы ощущение, что тебя хотят выставить без штанов на площади. «Делайте со мной что хотите, только не ставьте на вид...» вылезает откуда-то очередная окоlesiца. Не знаю, почему, но если бы вместо рукоблудия с карандашом врач предложил бы мне рыть траншею, я бы согласился скорее.

Я уже вполне ходячий и невропатолог, который ежедневно навещал меня теперь не сидит как белая ворона у моей постели. По договоренности с ним, я должен сам прийти в его кабинет, если в моих травмированных мозгах зародится очередной «кроссворд», и доложить об открытии. Словестные изыскания продвинули нас недалеко – теперь я знаю определенно свою половую принадлежность и как выгляжу со стороны. Мои экскурсии к зеркалу постепенно меняют мое отношение к тому, что там отражается. Конечно, это не воплощение той иллюзии, с которой я расставался в первый день прозрения, но и не то чудище, что выглянуло на меня в первый раз... Если не ошибаюсь – этот процесс называется смирение. С чего в моей черепушке застрял какой-то монументальный образ Аполлона, понятия не имею. Может быть, я был им в прошлой жизни? Да, собственно, сейчас-то какая разница, коль это в прошлом.

Желание выяснять, кем я был в прошлой жизни у меня все меньше, но понимаю, что если буду упрямыться, живо вылечу за дверь. За которой я не знаю, что меня ждет, но

чувствую – хорошего там мало. А здесь меня устраивает все и уютная палата, и длинные коридоры и туалет и ванная комната...

Мое приспособленчество, похоже, просек невропатолог, потому что в одну из встреч задает мне вопрос как раз на эту тему.

– Вы чувствуете себя здесь как рыба в воде.

Он смотрит на меня озадаченно, и я помогаю ему справиться с очередным подозрением.

– Нет, к медицине я, не причастен.

Чтобы он отстал, я обещаю больше ходить, на что тот хмыкает.

– Да я и не об этом. В вас должно зреть желание выйти отсюда, окунуться в жизнь, вернуться к ней, а что-то не просматривается...

Размышления его я слушаю с ужасом, потому что никак не хочу никуда окунаться. Я и плавать то, наверное, не умею.

После пугающих бормотаний врача я стараюсь попадаться на глаза персоналу пореже, но все время лежать не вмоготу. Соблюсти конспирацию, однако, удастся не всегда. Сегодня я нарушил ее по собственному недомыслию. Пробираясь по коридору в сторону санитарной комнаты за одной из дверей слышу шум воды, и принимаю ее за вход туалет. Мне не приходит в голову, что там может кто-то быть и представшая передо мной в полный рост обнаженная женская фигура под

душевой сеткой, лоснящаяся от воды, очередная неожиданность. Я вижу шоковое выражение на лице, взгляд, прикованный к определенной точке моего тела, опускаю глаза....

Эти мои преждевременные приготовления опять меня подводят. Я, конечно же, снова поторопился извлечь свой шланг. Может быть, она решила, что это предложение. Хотя не знаю, зачем ей это нужно. Похоже, передо мной все та же санитарка я уже жду истерического вопля и пячусь назад, но она молчит и смотрит как-то странно. Облегчив свои страдания в заветном месте, я начинаю сомневаться, что поступил в душевой правильно. Наверное, ей надо было в чем-то помочь. Я останавливаюсь у ванной комнаты, шума воды не слышно, тяну к себе дверь, но она уже заперта.

Мои похождения не проходят бесследно. Я не в состоянии сомкнуть глаз, перед которыми все еще ее небольшая грудь, поблескивающая в тусклом свете лампочки, рельефный животик слегка расставленные бедра и курчавая шерстка между ними. Почему-то нестерпимо хочется увидеть эту картинку вновь. Может быть, я в той прошлой жизни был фотографом? Или все-таки художником? Вспоминаю о бумаге в тумбочке и карандаше, неосознанно достаю провокационные предметы и вычерчиваю одну кривую линию, вторую...

Утром врач допрашивает меня откровенно формально,

наверное, подозревает, что я вожу его за нос. Совсем отказаться от надоевших бесед я не могу, понимаю даже травмированными мозгами, что тогда меня выставят. Чтобы он отстал, сообщаю ему что иногда, по утрам слышу женский голос, «идите пить аминазин»... Я не знаю, откуда этот голос и что означают эти слова.

Невропатолог таращит на меня глаза, потом хлопает себя ладошкой по лбу и заявляет, что, видимо, я лежал где-то в больнице с расстройством психики. «Такое бывает после перенесенного стресса» – добавляет он в ответ на мой вопросительный взгляд и поче-му-то подмигивает. Меня это никак не ориентирует и он, признается, что он, в сущности, психиатр. Некоторые пациенты пугаются, когда узнают его специальность, потому приходится маскироваться под невропатолога. Мое бесстрастное отношение к его профессии видно располагает и он принимается подробно втолковывать, почему он ищет все эти зацепки – все для того, чтобы можно было как можно скорее внедрить меня в привычную среду, где знакомые люди, предметы, обстановка вернули бы мне память.

Видимо, он и в самом деле принимает меня за дурочка. Любому, даже не очень здравомыслящему понятно, что на деле всем им до лампочки чем я занимался, как меня звали. Так же как и мне. «Привычная среда», которую нам никак не определить, совсем не нужна мне и уж тем более не привычна. Видимо убедившись в отсутствии моей заинтересованно-

сти в конечном результате, психиатр принимается страшить меня трудностями, с которыми я столкнусь, если не вернусь туда, откуда пришел. При этих доводах я едва не предложил ему вернуть меня туда, куда я недавно посылал своего соседа. Чего уж на полпути...

Психиатр прерывает мои фантазии на самом приятном месте...

– Вы испытываете какие-нибудь желания по утрам?

– Как все..., – недопонимаю я, о чем он.

– Сны то какие-то видишь? С женщинами.

– Еще мне не хватало снов с женщинами! И без того сплошные кошмары ...– уже со страху вру я.

Психушник недоверчиво ухмыляется.

– И что, желаний никаких не возникает?

– Возникает, – уже злюсь я. – Пописать ...

– Да?! А вот у меня несколько иные сведения, – наглет психушник.

– Какие? – настораживаюсь я.

– Слово секс, вам знакомо?

– Ну, как будто, – бормочу я силясь припомнить что это, на самом деле, такое.

– Вам надо будет еще сдать кое-какие анализы, – после некоторой паузы заключает психоспециа– лист.

– Какие еще? – артачусь я. лист

По-моему, за долгие дни, проведенные здесь, я сдал все что можно.

– Жидкость из железа.

Не знаю, чем мне это грозит, зачем это, и пожимаю плечами. По сути, я уже согласен на любые процедуры, только бы не за дверь...

– Это не слишком неприятно, даже наоборот, – хмыкает урод, поднимаясь из-за стола. К тому же результат поможет прояснить некоторые отклонения, если они есть.

Процедура обещанная быть приятной удовольствия мне не приносит. В тесной ординаторской меня ставят на топчан обтянутый клеенкой на четвереньки, спускают пижамные штаны и наш верзила, натянув на одну руку резиновую перчатку, пристраивается сзади. Почему-то долго присматривается, как-будто вспоминает, что за объект перед ним. Я с тревогой оглядываюсь, не забылся ли мужик, как что-то грубое внедряется в мои внутренности. Я, уже в панике, опускаю голову и пытаюсь рассмотреть, что там делается, за кормой.

Понять что-либо, невозможно, но мне удастся убедиться, что ширинка на брюках гладиатора застегнута. И еще я вижу, как с моего вдруг увеличившегося отростка отделилась и упала в склянку капля мутной жидкости, другая... Болезненное ощущение, как ни странно, собирает все мои разрозненные волнения, сомнения и догадки вокруг этого приложения в единый фокус, но не вдохновляет. Если, таков же по восприятию и секс, видал бы я его...

Рецидив от процедуры не заставляет себя ждать. Следующей же ночью, стоило только закрыть глаза, как меня начинает доставать видение из ванной комнаты. Абсолютно не понимаю что этой женщине нужно от меня, я даже не помню ее лица, но откуда-то наезжает нестерпимое желание прикоснуться к ее глянцевому телу. Уже не просто поглазеть, но и потрогать, кончиками пальцев вздыбившиеся холмики груди, напрягшийся живот, коснуться ее коленей и скользнуть между ними...

На этом фрагменте меня начинает трясти. Наверное, там что-то кроется. Может быть в той, прошлой жизни я уже проделывал что-то подобное? Наверняка этот верзила своими процедурами что-то повредил во мне... Лежать пластом больше нет никаких сил и я поднимаюсь. Еще не знаю зачем.

Соседи лежат, закутавшись в свои одеяла словно мумии. Выглядываю за дверь, убеждаюсь, что путь свободен и крадусь в сторону ванной комнаты. У зеркал я мельком взглядываю, чтобы убедить себя, что мне ничего не светит, но удручающее впечатление от созерцания уже не убеждает, и даже напротив, я кажусь себе аполлоном. Кой черт меня несет в ванную, не знаю, даже с поврежденной головой нетрудно догадаться, что вряд ли я вновь увижу ту же картинку, и вряд ли кто-то меня там ждет.

Пробираюсь осторожно, стараясь не создавать шума. Наверное, меня можно принять за привидение. По пути пыта-

уюсь сообразить, что я стану делать, если случится невероятное и уборщица вновь окажется там. Просто посмотреть? Где-то я уже слышал о такой странности, но мне не вспомнить слово, которым оно обозначается.

Наверное, от возбуждения я не сразу нахожу нужную дверь, но рядом с одной из них замечаю ту самую швабру. Прислушиваюсь и различаю какие-то звуки, вовсе не похожие на шум воды ...

Я оглядываюсь в сторону стола с включенной настольной лампой, где обычно восседает дежурная медсестра. Убеждаюсь, что ее на месте нет, и уже без опаски ищу какую-нибудь щель или замочную скважину, чтобы заглянуть внутрь. Не нахожу ни того, ни другого и осторожно толкаю дверь. Она подается и, в образовавшийся проем я вижу, что никакая это ни ванная, а процедурная, где у меня брали анализы, а прямо передо мной волосатый зад здорового мужика, стоящего перед топчаном, его обросшие кривоватые ноги, внизу, сбившиеся гармошкой брюки. Здесь же чуть в стороне белый скомканный халат, на кармашке которого вышито сердечко. Даже не видя его лица я узнаю нашего верзилу. По обе стороны его обезьяньей спины покорно раскинуты белые женские нож-ки. У кого-то берет анализы. Только в другой позе и, похоже, из другого места. Представляю, какие страдания она испытывает. Сочувствую бедняжке, но осторожно прикрываю дверь. Лечебные процедуры...

В постели мои соболезнования неожиданно переходят в

желания самому брать анализы вместо верзилы. Зажмуриваю глаза, чтобы поскорее заснуть – не получается. Открываю их снова и уже совсем ничего не понимаю. Вроде бы та же палата, но интерьер немного не тот, наверное из-за слабого освещения, кровать соседа под другим углом и сам он преспокойно дрыхнет под одеялом в вольной позе... Или я уже умудряюсь забывать то, что было минуту назад? Или попал в чужую палату? Или наоборот раньше был в чужой? Смотрю вниз, вижу свои тапки. Значит я на своем месте. Похоже, что я никуда и не выходил. Теперь мне не уснуть определенно. Поднимаюсь, и осторожно выбираюсь в пустынный коридор. Убеждаюсь, что в коридоре один снова крадусь к ванной комнате. У двери прислушиваюсь. Тишина. Осторожно открываю дверь.

Никакая это не процедурная. Обыкновенная ванная комната. Из душевой сетки капает вода, отчего на эмали ванны пятно от въевшейся ржавчины. Пытаюсь сосредоточиться и вспомнить, в какой стороне процедурная. Ну да, вот и она. Швабры, которая стояла тут только что, нет. Прижимаюсь ухом к двери и вздрагиваю от неожиданно зазвучавшего с противоположной стороны женского голоса. Передо мной медсестра с вытаращенными глазами и вопросительным выражением лица. Несмотря на воинственность ее позы, она не производит впечатления агрессора. Скорее наоборот. Не вникая в слова, я понимаю, о чем она ведет речь, однако уйти так и не разобравшись с собственными проблемами, не могу.

– Там я оставил..., – бормочу я и тычу пальцем в дверь.

– Что вы там оставили?! – уже менее решительно спрашивает женщина, толкает дверь и щелкает выключателем.

В комнате никого. Топчан аккуратно застелен простыней. На полу, только эмалированный тазик, прислоненный к стене. Я оборачиваюсь. Женщина смотрит на меня с издевкой. Я хочу сказать ей, что ошибся (должен же я как-то выкручиваться), но вижу на нагрудном кармашке ее халата вышитое красное сердечко. Я присматриваюсь внимательнее к медсестре. Она еще молода и неплохо сложена. Признаков испытанных страданий при сдаче анализов обнаружить не удастся. Разве что она не успела застегнуть ворот, и он лишь частично прикрывают вздыбившиеся холмики приличных размеров. Мой взгляд соскальзывает в ложбинку между ними и почему-то застревает там. Я чувствую какое-то беспокойство, Она перехватывает мой взгляд и пытается застегнуть пуговицу. Теперь мне уже почти не видна ложбинка.

– Не надо, зачем вы..., – бормочу я и снова расстегиваю пуговицу.

Медсестра ошалело хлопает глазами, и щеки ее розовеют.

– Муж-чина! – как-то особенно выразительно, с акцентом на «ч» выводит она и по выражению ее сузившихся глаз я понимаю, что делаю что-то не так.

– Извините, – бормочу я, пытаюсь исправить ситуацию, но она вдруг резким движением бьет меня по руке.

– Вы маньяк?! –

Я догадываюсь, что слово, которым она обозначила меня, определяет что-то предосудительное, отступаю назад, задеваю прислоненный к стене эмалированный тазик и он, соскользнув по кафелю, грохает так, что сестра хватается за щеки.

– Господи, мы же всех разбудим, – шипит она, хотя теперь-то переходить на шепот не имеет смысла.

Я почти на цыпочках выхожу за дверь и слышу вдогонку голос медсестры.

– У меня же все равно скоро смена.

По дороге к своей кровати я пытаюсь вникнуть в ее слова, но так ничего и не поняв забираюсь под одеяло. Причем тут смена...

На другой день верзила сообщил мне, что анализ показал мою полную недееспособность.

– В чем? – не понимаю я.

– В производстве детей.

Я не могу въехать в проблему и тарашу глаза на верзилу.

– Зачем их производить?

Верзила хмыкает, качает головой, потом неожиданно соглашается.

– Может и незачем.

Я надеюсь, что разговор окончен, но он, вместо того, чтобы отвалить усаживается у моей кровати.

– Может быть, они у вас были или есть?

Не знаю отчего, но этот детина все больше раздражает меня. Я с трудом сдерживаюсь. Чего на меня так тарашиться, словно я партизан и должен сообщить какую-то тайну!

– Нет у меня никаких детей, – цежу я сквозь зубы.

– Ну а женщины?

– Что женщины? – теперь уже совсем не понимаю я.

– Женщины у вас были?

– И что с ними делать? – уже не без умысла спрашиваю я.

– С кем?

– Ну, с женщинами.

Мои сволочные соседи принимаются ржать. Верзила тоже хихикает как дурачок.

– Ну да, – напрягаюсь я. – Брать у них анализы.

Мужики веселятся так, что скоро попадают с кровати.

– Как вы прошлой ночью брали в процедурной, – уже со злости вставляю я.

– У кого? – перестает сиять верзила.

– Ну, у дежурной медсестры. У нее тоже сердечко на кармане, – я киваю в сторону сопровождающей его адъютантши.

Худошавая едва не роняет свою папку и краснеет. Мои соседи начинают подвывать и я толком не понимаю, что отвечает мне доктор, но по тому, как он качает головой, а потом кладет свою безразмерную ладонь на мою голову понимаю, что допрыгался. Я даже опасаюсь, как бы он мне ее не оторвал.

– Вы мне еще подмигивали, – не сдаюсь я.

Подождав когда все успокоятся он принимается втолковывать мне что у меня галлюцинации, возможно, это просто рецидив на курс лечения, это пройдет, мне лишь следует как следует высыпаться. Волноваться не надо, ничего опасного в результатах не выявлено, а в последнем анализе тоже ничего необычного, особенно для моего возраста. Но, в любом случае это уже не их профиль. Здесь для меня сделали все что могли. Сообщение о том, что они сделали для меня все, что могли, означает, моя песенка спета.

Попытка уснуть не удастся даже когда публика успокаивается и свет переключают на дежурный. У меня вдруг, непонятно на какой почве, возникает желание пробраться на пост дежурной сестры. Зачем, я толком понять не могу, да и вряд ли этой ночью снова дежурит та, вчерашняя. Самое смешное, что мне определенно хочется еще раз заглянуть в ее расстегнутый ворот. Не знаю зачем, но хочется. Пытаюсь призвать разум, но уговорить себя не удастся. Я вылезаю из под одеяла, но подняться не успеваю. В приоткрытой, полупрозрачной двери проскальзывает какая-то тень и в палате бесшумно, словно привидение появляется та, к которой я собрался. Она направляется прямо ко мне и, подойдя, пытливо смотрит в лицо.

– Не спите? – шепотом говорит она, и наклоняется надо мной.

Ворот ее халата расстегнут так же как вчера и в такой позе

ложбинка мне видна ку-да глубже. Чувствую, что руки мои становятся неуправляемыми. Хоть связывай. Опасливо поглядываю на ее, похоже улыбающееся лицо. От нее пахнет чем-то ароматным, губы подкрашены.

– Снимайте штаны, – шепчет она.

– А вдруг не получится, – почему-то сомневаюсь я.

– Все получится, – убеждает сестра.

Только сейчас замечаю в ее руках подносик, а на нем шприц.

Предметы не вдохновляют.

– Зачем?

– Для удовлетворения. Чтобы лучше спали. И ничего не выдумывали.

– И что я должен вот так, ни за что страдать?

– А за что бы вы хотели пострадать? – берясь за шприц, улыбается она. – Ведь вы же ничего не можете.

– С чего вы взяли?

– Из вашей истории. Я подумала вначале, что вы и правда маньяк.

– Какой истории? – напрягаюсь я.

– Вашей.

Я не знаю, что она имеет в виду.

– А маньяк это, как будто, плохо..., – бормочу я.

– С какой стороны посмотреть, – хихикает медсестра.

Я пытаюсь прикрыть глаза, но волшебная ложбинка продолжает торчать передо мной, и я открываю их снова.

– Можно потрогать? – неожиданно для себя спрашиваю я.

Она, взглянув мне в лицо замирает, в ее глазах появляется что-то теплое, потом вдруг, отставив подносик, расстегивает еще одну пуговицу и подается ближе.

Пальцы у меня дрожат, но я чувствую теплую, нежную кожу. Я пытаюсь обхватить холмик всеми пальцами, прикоснуться губами, но какой-то шорох все портит – сестра выпрямляется, оглядывается и грозит мне пальцем.

– А вдруг в истории какая-то ошибка...

Потом она заставляет меня лечь на живот и сама оттягивает резинку моих пижамных штанов. Я зажмуриваюсь в ожидании тех же ощущений, какие испытал на сдаче анализов, но боль совсем другая и в другом месте. Я чувствую, как пальцы сестры поглаживают мою ягодицу, затем осторожно и неспешно натягивают штаны на прежнее место. Поднявшись и собирая свои склянки, сестра неизвестно к чему роняет:

– Я ведь не замужем.

Уже в проходе она оборачивается.

– А сердечек на карманы нам нашила внучка старшей. Она ходит в кружок рукоделия. Вот и развлекалась. Чем бы дитя ни тешилось...

Я уже вообще ничего не понимаю, порываюсь что-то прояснить, но чувствую, как тяжелеют мои веки и отнимается язык.... Наверное, к лучшему.

Следующим утром на обходе свита сопровождающих врача многочисленнее, чем в предыдущие дни. Кроме постоянных членов команды здесь невропатолог и какая-то молодая женщина с улыбочивым лицом и бархатным взглядом. В нем проскальзывает что-то вызывающее у меня настороженность. Фигура девушки, перехвачена по талии короткого халатика. У нее не очень высокая грудь, изящная шея... Явно не из нашего отделения. Она и невропатолог держатся немного особняком. Девушка слушает, а невропатолог что-то рассказывает ей и оба почему-то поглядывают в мою сторону. Конечно же, он рассказывает обо мне и наверное какую-нибудь гадость. Я начинаю нервничать и уже готов прервать вруна, как женщина вдруг начинает улыбаться. У нее улыбка удава присмотревшего кролика и теперь я точно знаю, что пришла она по мою душу. И так же как того обреченного меня пробирает дрожь нестерпимого желания быть проглоченным. Я уже готов упасть на четвереньки и ползти к ней, но неожиданно она отворачивается и удаляется вслед за компанией. Я еще некоторое время ревностно наблюдаю, как она останавливается, то у одной, то у другой кровати. Невропатолог продолжает свое словоблудие, из которого не понять абсолютно ничего. Девушка больше не оглядывается в мою сторону и мне остается созерцать ее сзади. Смотрю с таким напряжением, что начинает казаться, что ее одежда соскальзывает на пол. Я уже вижу ее обнаженное тело – изящную талию, выразительные ягодицы, стройные ноги...

Картинка не оставляет меня в покое весь вечер. Меня пугает эта дурацкая навязчивость. Уже за полночь вспоминаю о бумаге и карандаше, которые сунул в тумбочку и, опасливо оглядевшись, осторожно вынимаю их. Моя медсестра, моя уборщица она же девушка с бархатным взглядом сливаются в один флакон, и я тщательно обвожу очертания обнаженной женщины. Она лишь полуобернулась ко мне, не видит, чем я занимаюсь, и я долго оглаживаю дрожащим кончиком карандаша впадинки и выпуклости ее изумительного тела...

– Идите пить аминазин! – слышу я сквозь сон.

Я открываю глаза и не могу понять, где нахожусь. Совсем другой, высокий потолок. Это явно не тот, с которым я уже сроднился и под которым засыпал. Приподнимаю голову и вижу ряды кроватей с железными спинками. Некоторые аккуратно застелены и пусты, на других сидят или лежат мужские фигуры в серых пижамах. Я не понял... Это больница или уже тюрьма? Неужели докопались?... Совершенно не помню, как меня забирали, или я сам явился с повинной... Наверное, у меня галлюцинации. На этот раз явные. Ушиб головного мозга бесследно не проходит. Откидываюсь обратно на подушку, закрываю глаза и пытаюсь сориентироваться. Это трудно сделать, потому что ориентиров нет никаких. Кажется, что был на кладбище. Дорога из леса, свежий песок, обрывки лент, искусственные цветы, растерянные по обочине... Плита из серого мрамора с поблекшими буква-

ми... Фотографии почему-то нет. Что плита давнишняя видно по датам, а песок свежий... И какая-то фигура, поодаль. Стоит ко мне спиной в черном одеянии до пят. Похожа на статую, но она вдруг зашевелилась и стала поворачиваться ко мне. Еще не увидев лица, я понимаю, кто это, но не могу вспомнить имени. Конечно, это она. Взгляд ее остался таким же ясным как прежде. Только фигура... старушечья. И тонкие губы со следами помады малинового цвета. Пытаюсь попятиться, и не могу. Словно что-то стоит за моей спиной.

– Идите пить аминазин, – уже громче слышу все то же воззвание.

Снова открываю глаза. Надо мною девушка в белом халатике, перехваченном по талии пояском. Лицо молодое, улыбочивое и взгляд бархатный. Участливо наблюдает за выражением моего лица.

– Как вы?

Не знаю, что сказать и отвечаю вопросом:

– Где я?

Она немного озадачена.

– Вас сюда перевели. Только не спрашивайте ничего у врача, иначе вас долго отсюда не выпустят. Будете пить аминазин?

– Что это?

– Успокаивающее. Снотворное...

– Я в психушке..., – догадываюсь я. – Ну да, вспоминаю...

Я в Питере, или...?

– Да. В Питере. А что вы вспоминаете?

– Да так, ничего..., – сдаю я назад и откидываюсь к подушке.

– Спали то хорошо? Что-нибудь снилось? – продолжает переживать медсестра.

– Какой-то бред...

– Это бывает. Даже у здоровых, – улыбается она, видимо подсказывает, чтобы помочь мне собрать извилины в кучу. – Вас перевели из травматологии вчера. Вы стали жаловаться на головную боль...

– Ну да..., – спохватываюсь я и вспоминаю, что мне сделали какой-то укол.

Медсестра согласно кивает.

– Я что, пришел сам? – холодею я, не находя в памяти продолжения минувшей ночи.

– Нет, вас привезли спящего.

Мне вдруг начинает казаться, что я видел ее где-то. На этот раз вспоминаю где

именно. В травматологии. Эта та самая принцесса, что была на обходе в паре с невропсихиатром.

– У нас тут немало бывает художников, писателей, композиторов... Вы же из них?

– С чего вы решили? – паникую я.

– У вас под подушкой нашли вот это... – сестра открывает тоненькую папочку и протягивает мне листок, на котором карандашом в полный рост изображена обнаженная женщи-

на. Тело ее лоснится от воды, но душевой сетки не видно... Лицо плохо прописано.

– Ну да, это рисовал я..., – невольно вырывается у меня. – Но это так, несерьезно.

Мария смотрит пытливо и у меня возникает желание снова спрятаться под одеялом.

Я дотягиваю его до подбородка, но сестра удерживает одеяло своей изящной рукой.

– Но я не виноват..., – бормочу я в необъяснимой панике.

– Да вас никто и ни в чем не обвиняет. Может быть это зацепка, и нам удастся вам помочь... И еще книжки с вашими рисунками...

– Помочь? Нет, не надо.

– Надо Федя, надо! – смеется сестра и заботливо поправляет мое одеяло.

– Это мое имя? – озадачиваюсь я.

– Да нет, Это скороговорка такая. Ну, шутка, что ли...

Я задумываюсь. Значит я на самом деле рисовальщик.

– А вы, про какие книжки?

– Я нашла ваши данные. А книжки я помню с детства.

Я не совсем понимаю ее и просто смотрю, как она неторопливо собирает на поднос принесенные таблетки.

– А я не в наркологии, Мария? – осторожно спрашиваю я.

– Ну не совсем. Но все накладывается. Лучше самому постараться, чтобы отсюда выйти.

– Но почему я здесь, я, кажется, был в другом месте. Что-нибудь натворил?

Мария замешкалась, потом наклоняется ко мне и шепчет:

– Какой-то уборщице показалось, что вы ее преследуете. Не берите в голову. Скорее ей самой здесь место.

Я в шоке. Мария, внимательно смотревшая мне в лицо, поспешно добавляет:

– С вами все в порядке, просто жизнь вас достала.

– Откуда ты знаешь?

– Так подумала. Она многих достает...

– Ты что психолог?

– В общем, то да, но еще мы подрабатываем медсестрами, Вообще-то я народный целитель. Хочу получить лицензию.

– Что это?

– Лицензия?

– Да нет, народный целитель.

Мария неопределенно крутит головой. Она у нее аккуратная со светлыми, чуть волнистыми волосами.

– Ну, в общем-то, психолог, который в своей практике использует нетрадиционные методы.

– Какие?

– Да это сейчас неважно. Об этом потом.

– Мария! – вопит какой-то мужик из дальнего угла.

– Кого это?

– Меня, – смеется девушка.

– Ну да, конечно.

Мария снова смеется и наклоняется ко мне.

– Не берите в голову. Достоевский тоже не мог запомнить имя своей секретарши.

Она уходит. К моему сожалению. И даже панике. Без нее я чувствую себя улиткой

без панциря. Закрываю глаза, чтобы открыть их только когда она снова подойдет к моей кровати.

Приходит Мария не скоро. Кладет мне на грудь какую-то фотографию.

– Вот нашла одну в бумагах, – говорит она и испытывающе смотрит мне в глаза.

Я беру ее в руки. Это она, в купальнике, на краю бассейна. У нее необыкновенно красивая фигура. По нижней кромке фотографии крупными печатными буквами написано имя.

– Да я запомнил, – пытаюсь я улыбнуться.

– Ну, на всякий случай, – лукавит девушка. – А не могли бы вы с этой фотографии нарисовать меня?

– Зачем? – недоумеваю я. – Снимок хороший.

– Да я знаю..., только у вас получается лучше.

– Скажи Мария, а мы в той моей прошлой жизни не встречались?

Она молчит и смотрит на меня задумчиво.

– Наверное, то, что я так часто задерживаюсь у вас, сбивает вас с толку. Вам надо больше общаться с другими. И, вообще, вы лежебока. Надо чаще вставать, больше ходить.

– Конечно, это маловероятно, – не обращая внимания на ее слова, рассуждаю я. – Ведь ты такая молоденькая, а я уже...

Мария хихикает.

– Какая уж я молоденькая. Просто так, кажется. Мне уже за тридцатник.

Я плохо ориентируюсь в цифровом пространстве и вглядываюсь в ее лицо.

– И это много?

– Много, – вздыхает она. – Половина жизни. А у кого-то и целая жизнь. Кому как повезет.

– А мне везет?

– Конечно. Еще как.

Меня огорчает ее уверенность.

– Значит я уже старый. Мне-то уже не один тридцатник.

Мария смеется.

– Еще нет, да и для мужчины это не много.

В ее словах столько тумана, что я окончательно теряю ориентиры.

– Мария, ты что-то будешь писать?

– Как это? – не понимает девушка.

Я сам не понимаю, с чего мне такое приходит в голову.

– Ну, я как бы подопытный, что-ли?.

– Вы мой пациент. Моя работа. А ...разве одно другому мешает? Ведь важно чтобы во благо.

Мария как будто смущается, потом продолжает уже дело-

ВЫМ ТОНОМ.

– Давайте поговорим немного о вас. Обычно в памяти легче восстанавливается давнее. То, что было много раньше. Вы вспоминаете что-нибудь из вашего прошлого?

Я в напряжении. Она несколько не лучше невропатолога. Разве что ее настойчивость не вызывает такого раздражения.

– Из детства, из юности, – подсказывает Мария.

Я погружаюсь в хаос, царящий в моей голове и мне страшно.

– Знаешь, – хриплю я, – Я не могу разобраться, где реальность, где бред. И услышанное и увиденное ... может быть среди всего этого есть что-то из моего, но, я уже не раз бред принимал за реальность.

– Или реальность за бред, – подсказывает Мария – Это прояснится со временем, но нужны е ориентиры.

– Не традиционные?

Мария смеется.

– Наоборот, традиционные. Начните с женщин. Они наверняка были в вашем прошлом. И, наверное, немало.

– Ты же говоришь, что я уже с них начал.

– Ну, не так же. Если не получается по каким-то подсказкам, нужно более тесное общение с ними.

У нее славные пухлые губки и, когда они растягиваются в улыбку, в их очертании появляется что-то манящее. Куда? Я вдруг с горечью вспоминаю свое отражение в зеркале. Разве могут эти губки приоткрыться навстречу такому «красав-

цу»?! Понятно, что ее интерес ко мне вызван ее работой...

– Как это? – бормочу я, хотя уже догадываюсь, о чем речь.

– Не прикидывайтесь. Разве вы не испытываете какого ли-
бо желания, когда видите хорошенькую женщину? На вашем
рисунке, например.

Мария приближается ко мне так близко, что ее бедро едва
не касается моего лица. Она инквизитор.

– Да, конечно, смутное..., – бормочу я

– Замечательно, – сияет Мария, будто не замечая моих
страданий и отодвигается.

– Что же тут замечательного? – непонятно мне.

– Не все потеряно.

Я ухмыляюсь, но от нитья воздерживаюсь. Наверное, мою
гримасу она понимает как утомление, потому что неожидан-
но поднимается, хотя тема, как будто не исчерпана.

– Отдохните и вспоминайте, цепляйтесь за каждую мел-
лочь. Память у вас понемногу, но должна восстанавливаться.

– Если память восстанавливается, почему же я не помню
своих домогательств к ка-кой-то уборщице?

Мария опасливо оглядывается, потом наклоняется ко
мне.

– Да ничего и не было, с этой уборщицей. А то, что не
помните, как вас перевели, так потому что ввели большую
дозу.

Мария наклоняется еще ниже и, почти касаясь своими бо-
жественными губами моего уха, добавляет:

– Я буду давать вам только витаминки, вместо аминазина. Не проболтайтесь.

Я вижу совсем близко ее груди, чувствую их запах, ... Похоже, я готов вспомнить что угодно, лишь бы она наклонилась еще чуть-чуть, но она выпрямляется и собирается уходить.

– Мария! – невольно вырывается у меня.

Девушка, уже шагнувшая в проход, оборачивается.

– Как ты думаешь, надолго я здесь?

– Не торопитесь. Отдохните. Только не делайте резких движений. Я постараюсь, чтобы вас не залечили.

Я не могу допустить, чтобы она ушла и цепляюсь за нее как клещ.

– У меня еще вопрос.

– Какой?

Она смотрит на меня таким теплым ожидающим взглядом, что я сбиваюсь с только что созревшей мысли.

– Ты дежуришь и по ночам? – неожиданно спрашиваю я.

– Бывает, – глаза Марии прищуриваются.

– Да нет, ты не поняла, – заметаю следы я. – Я же безобидный...

– Это, в каком смысле? – уже любопытствует она.

– Ты же читала историю.

– И что?

У меня никак не поворачивается язык назвать себя словом, которое кажется мне ругательным.

– Там же написано, что я... этот...

Мария смотрит на меня озадаченно.

– Импотент, что ли?

Я отвожу глаза в сторону и киваю.

– Ничего подобного. Скорее наоборот.

– Мне так сказали. Абсолютная недееспособность.

Мария фыркает.

– Так это, чтобы вы не замышляли ничего. В этом их ошибка.

– Так я что... не безнадежный? – спрашиваю, хотя самому еще не понятно о чем я.

– Вам только надо прийти в форму, – темнит Мария и, прежде чем уйти, лукаво улыбается.

Не понимаю о чем они тут все. То в себя, то в форму...

Мои извилины, в наличие которых я вообще сомневался, утомляют меня ненужными рассуждениями. Может быть это перед тем как выпрямиться окончательно? По крайней мере, аминазин действует, и напрасно я уклоняюсь от лечения. Мне его надо принимать многократно умноженными дозами. После такой химиотерапии ни одному хирургу не удастся обнаружить в полушариях и признаков мыслительной деятельности, и тогда интервенции памяти можно не опасаться. От одной мысли, что я, когда-нибудь, покину эту палату, мне становится страшно. А здесь мне комфорт-

но. Пугавшие вначале своей непредсказуемостью соседи уже воспринимаются обыкновенными, лишь немного со странностями людьми.

– Да так оно и есть, – смеется Мария, – здесь половина симулянтов. Кто от суда скрывается, кто от службы, кто приходит просто, чтобы не умереть с голода... Но есть, конечно, и больные. Они безобидные...

– Скажи Мария, только честно, а меня ты не считаешь ненормальным?

Медсестра улыбается.

– Ну, прежде всего норма для всех разная.

– Ну, вот я не знаю, был ли раньше таким... маньяком.

– Не знаю. Если верить тем, кто вас обследовал, то нет, – смеется Мария.

– Ну да, я как бы... застойный.

– Не то слово! – сияет сестра.

– Странно. Так что же, после травмы у меня могло что-то сдвинуться? – не верю я собственным выводам.

– Вполне, только не сдвинуться, а наладиться.

– И что же, если у человека что-то не получается достаточно стукнуть его по голове?

– Это у меня телевизор, не показывает, пока по нему не стукнешь.

Только сейчас до меня доходит, что она шутит. По крайней мере, искорки в глазах выдают ее.

– Мария, я же серьезно!

Она вздыхает.

– Все очень сложно. Мы же знаем только то, что ничего не знаем.

Мне кажется, что я и это где-то слышал, но смысл меня не устраивает.

– И что, все так безнадежно?

– Ну не совсем, – улыбается Мария. – На некотором уровне что-то удастся.

– А как со мной?

– С вами, я думаю, мы справимся, – темнит сестра и вдруг добавляет: – Сообща.

Слово сообща, мне определенно не нравится.

Мария дежурит через день и, когда ее нет, я не пью никаких лекарств. Таблетки я прячу под подушку. Благо никто не контролирует, куда они подевались. В дни ее дежурства все по-другому. Даже в палате становится светлее. Может быть, от ее идеально белого хрустящего халатика. Вообще-то она симпатичная девчушка...

– Что-то вы мне не нравитесь. Вам надо больше ходить, – замечает она в одно из дежурств. – Во-первых, вызываете подозрение своей инфантильностью. Что вам сказал доктор на обходе?

Я не могу вспомнить и воспроизвожу то, что слышал когда-то.

– Что я здесь чувствую себя как рыба в воде.

– При таком заключении вам долго придется здесь плавать.

– А я никуда и не тороплюсь.

– Но это же не реально.

Мне кажется в ее голосе какая-то грусть.

– И ты хотела, чтобы меня выставили? – уже шантажирую я.

– Я хотела, чтобы вы выздоровели. Чтобы вы вернулись в свой мир.

– Что я там забыл? – не сдерживаюсь я.

Мария уже внимательнее всматривается в мое лицо.

– Вы же не преступник, чтобы скрываться здесь. По всем анализам вы вполне здоровы и вас могут выписать в любой день. Вам надо готовиться к этому, больше общаться с людьми, среди которых будете жить. Вон там, видите, у туалета, в углу, компания. Почти все здоровые или выздоравливающие. Там с ними известный поэт, в прошлом гинеколог. Над чем, по-вашему, они ржут?

– Можно догадаться, – бормочу я, хотя понятия не имею.

– Правильно. Более живой темы для мужчин, как о женщинах, не придумать. Позубоскальте с ними – это вам на пользу.

– Вы думаете, я мужчина? – уже наглею я.

– Думаю да, – смеется Мария. – По крайней мере, вам надо в это поверить.

Байки, что травит Демидов, из своей сомнительной практики иногда остроумны и мне даже удается пару раз хмыкнуть, но некоторые за пределами моего понимания и вызывают уныние. Мария то из одного то из другого угла необъятной палаты поглядывает в нашу сторону и, когда наши взгляды встречаются, ободряюще улыбается. Среди ржущих я, наверное, выделяюсь, потому что Демидов, в перерыве между своими номерами, озадачивает меня вопросом, кто я и надолго ли тут.

– Говорят, что-то вроде художника, – нехотя отвечаю я.

– А-а. Наш брат. Раздвоение личности?

Я молчу. Но с диагнозом согласен.

– Пьешь?

– Наверное.

– Лучшее лекарство от этой паршивой жизни не алкоголь, а бабы. Поверь мне. А ты, как я понимаю, принимаешь его редко. Выражение на твоём лице такое, словно у тебя что-то опустилось. А так вроде бы нормальный мужик. В штанах то что-нибудь шевелится?

Я молчу, потом неопределенно пожимаю плечами.

– Что, после травмы? – доходит, наконец, до поэта-гинеколога.

Молча киваю.

– Не смертельно. Надо расшевелить. Процесс выздоровления оттуда и пойдёт. И с памятью наладится. Почему

ни оприходовать ту же Машеньку. Вон, какими масляными глазками она на тебя посматривает.

– Да нет... Это так... Просто знакомая, – не знаю зачем плету я.

– Вот и замечательно.

– Нет, нет, – торопливо перебиваю я, догадываясь о продолжении темы. – Она заму– жем и, вообще, цели у нее другие.

Хохотнув, Демидов подводит итог.

– Значит, ты не женат и без бабы. В ауте,... Ну, ничего, дело поправимое. Тебе надо вылезать на свободу и лечиться. Сексом. Лучшее лекарство.

– Это, наверное, дорого? – пытаюсь отписаться я.

– Первый сеанс за счет заведения, – подмигивает Демидов.

– А что, есть заведение? – не знаю чем, смешу я его.

– Ну, есть и заведения. Но мы обойдемся без заведений. Есть у меня одна знакомая. Я ее лечил когда-то. Темпераментная женщина. Она млела, пока я ее осматривал. Изумительная это картина – когда женщина испытывает оргазм,

– Так ты там и черпаешь это... вдохновение? – тянет меня черт за язык.

Демидов не обижается.

– Конечно там. Женщина для мужика целительница. Созерцать ее плоть, улавливать ее реакцию на любое твое движение, даже на взгляд – баль-

зам на душу... Происходит процесс омолаживания, появляется интерес ко всему ... Короче, выписываемся вместе. Бабы, конечно же, нас губят, но они же нас и спасают.

Перед отбоем Мария подходит к моей кровати и, поправляя одеяло, задает неожиданный вопрос:

– Демидов просил, чтобы вас выписали вместе. Что вы на это скажете?

Я растерянно пожимаю плечами.

– Ну, в общем-то, ... я не знаю.

– Хорошо, я похлопочу.

Почти с обидой смотрю на нее. Я как будто бы и не прошу об этом. Тоже хочет от меня избавиться? Ощущение такое, словно я собираюсь изменить ей, а она даже благословляет меня.

– А нельзя мне все-таки остаться?– бормочу я.

– Вам надо возвращаться. И общаться больше.

Она старается произносить слова наставительным тоном, но мне в ее голосе слышится какое-то сожаление...

– Особенно с женщинами, – помолчав, добавляет она. – Хорошо если бы вы кого-то нашли. Хорошо бы ваши отношения с женщинами были близкими, понимаете?

Я киваю головой, но, видимо, неубедительно.

– Вы понимаете, о чем я?

.– Это же не обязательно должно быть связано с сексом, – засвечиваюсь я.

– Первичное чувство и зарождается затем, чтобы перейти-

ти в близость. Физическую. У вас все получится. И, самое главное, это общение будет толчком, поможет вам вспомнить тех, кто был с вами рядом, что с вами происходило вообще.

Я невольно хмыкаю.

– А без этого никак?

– Ощущения, которые вы испытаете, вернут в вашей памяти всех, кто был вам дорог. Я хочу, чтобы вы все вспомнили.

Ее настойчивость начинает меня утомлять.

– А мне это нужно?!

Мария теряется окончательно и мне начинает казаться, что это нужно ей.

Утром мне сообщают о выписке. Марии в нашем отделении почему-то нет, хотя должна была прийти на дежурство. Я останавливаю в коридоре санитарку и спрашиваю, что с ней случилось.

– Подменилась. Наверное, какие-то проблемы.

Я не настолько плох на голову, чтобы возомнить, будто эта проблема – я сам, хотя и могла бы улыбнуться на прощание. Когда я видел ее улыбку в последний раз? Когда Мария объясняла мне, что такое полноценная любовь... Почему все это достает меня? Действие психотропных? По логике, действие этих лекарств как раз в обратном – подавлять всякие волнения. Не демидовские же лекции, о роли интенсивного секса в возрождении организма, привели к такому результату.

В приемный покой меня провожает старшая сестра. Она выдает мне мои вещи и конверт.

– Это вам передала Мария.

Я тотчас сую нос в конверт и нахожу там несколько де-нежных купюр, ключ и за-писку. Я разворачиваю ее и убеждаюсь, что ключ, вероятно, от моей квартиры, дальше четко и крупно написан адрес этой квартиры и в самом конце при-писки, что долг можно не возвращать, или, если очень уж за-хочется вернуть, то когда будут лишние деньги. Дальше еще один адрес. Как я понял – ее.

Я вопросительно смотрю на старшую. Из окна на нее па-дает солнечный луч, и я замечаю на ее лице веснушки, кото-рых раньше не видел из-за косметики. А может быть из-за тусклого освещения.

– Где это она все узнала?

– Понятия не имею.

Сестра отвечает чуть слышно и смотрит на меня как на безнадежного пациента. Может быть, мне так кажется, а ско-рее всего так оно и есть.

Часть вторая

Безликая одиночная камера, холодная и полутемная. Ми-нимум мебели. Кровать, диван, тумбочка. Как в каземате. Неужели я и там побывал? Ванная и туалет отдельные, зна-чит квартира. Предполагается, что моя, но в каком-то запу-

ценном состоянии. Наверное, стерильность больничных палат избаловала меня, потому что меня это напрягает.

Порывшись в шкафу, ящиках, нахожу одежду, какие-то, еще непонятные предметы, рисунки на клочках бумаги... В туалете нахожу швабру и пытаюсь навести хоть какой-то порядок. Мероприятие затягивается до полудня, пока я не прихожу, наконец, к неутешительному выводу, что уборкой здесь мало что изменишь. Ощущение неустроенности и какой-то необъяснимой тревоги не проходит. Правда Мария предупреждала, что первое время так будет – побочный эффект от лекарств.

На тумбочке, скорее всего из-под телевизора, детские книжки. Детей у меня, вроде бы, нет, и чьи это книжки я не знаю. Может быть из собственного детства. Ворошить его я не рискую и отношу их на книжную полку, где обнаруживаю паспорт. Тупо смотрю на фотографию, сличаю ее с изображением в зеркале, и вынужден признать, что сходство, хоть и отдаленное, но есть, На странице «семейное положение» никаких записей и я с облегчением сознаю, что никому ничего не должен... И это главное. Остальное со временем прояснится, хотя лучше бы этого не происходило вообще. Наверное, поэтому меня напрягает фанерная дверь в углу комнаты, с навесным замком. Понимаю, что это кладовая, то есть помещение с сюрпризами. С опаской тяну замок вниз и с облегчением чувствую, что он закрыт наглухо. Где от него ключ я, разумеется, не знаю и желания знать, как-то не возникает.

В последующие дни я очерчивал свое жизненное пространство. Это оказалось делом не сложным. На автопилоте нашел продовольственный магазин, пару мелочных лавок со всякой всячиной. Наверняка я бывал здесь неоднократно, поскольку что-то вспоминалось как когда-то виденное... Правда, как что-то очень знакомое обнаружилась и острая нехватка средств, Денег, которые одолжила мне Мария, хватило ненадолго, и я стал перед проблемой, где найти источник этих самых средств. Как мне уже стало понятным, я и раньше зарабатывал на жизнь какими-то оформительскими работами, (вряд ли изготовлением монументальных полотен), потому принялся восстанавливать деловые связи. В одном из ближайших гастрономов мне удалось уговорить директрису на небольшой заказ – изобразить на картоне пару арбузов. Простейший сюжет дается мне нелегко и рисунок не кажется мне соблазнительнее, чем оригиналы в овощной клетке. Не впечатлил мой труд и директоршу. Покосившись на меня, она проворчала, что раньше у меня как-то получалось лучше.... Я стал оправдываться, что недавно из больницы и пальцы еще не размялись. Тетка, вздохнув, сунула мне купюру, не слишком высокого достоинства, но это уже было кое-что...

Рыскать по городу в поисках работы мне не нравится, я бы с большим удовольствием сидел в своей берлоге, к которой постепенно привыкаю и что-нибудь рисовал, в свое удоволь-

ствие, но, к сожале- нию, это удовольствие никем не оплачивается ...

Вечерами, когда я не занят исполнением какой-нибудь рекламки, я с ностальгией вспоминаю клинику для душевнобольных и пытаюсь изобразить Марию... Портрет получается с каждым разом все лучше – но когда я очерчиваю ее обнаженное тело руки мои перестают слушаться а само изображение расплывается... Тогда бросаю эту экзекуцию и пытаюсь рисовать чужие, где-то виденные или придуманные лица...

Утром я просыпаюсь рано, и не сразу понимаю, что ночь миновала. Звонков трамваев, не слышно. Подхожу к окну. Да, раннее утро. Небо уже с фиолетовым отливом, но других признаков рассвета еще нет. Пока его заменяют тлеющие уличные фонари.

Забираюсь обратно в постель и долго смотрю в потолок. Что меня разбудило в та-кую рань? Вспоминаю, что ночью меня преследовали какие-то обрывочные видения, фрагменты обнаженного женского тела, мимолетные прикосновения, шепот. Некоторые эротические картинки разворачивались достаточно логично – я раздевал ее, любовался выразительностью ее тела, свежестью ее кожи, даже начинал испытывать какое-то желание, потом вдруг все распалось на какие-то непонятные детали, менялись декорации. Вместо желанной женщины выплывали недружелюбные лица ...

Я давно не видел снов и нагромождение не связанных, как будто, между собой эпизодов, ощущений, лиц и деталей тела озадачивает. К чему все это?

Провалившись с полчаса, я снова поднимаюсь, открываю на кухне, холодильник, где на нижней полке дверцы сиротливо забились в угол маленькая бутылка с недопитой водкой. Нахожу стакан, долго рассматриваю его, потом сливаю жидкость обратно в бутылку. Не верю в свой героический подвиг, но все же ставлю склянку обратно, хотя собственная решимость, и смешит. Что я вознамерился делать? Попытаться начать сначала? Это за три то дня до занавеса?!

Уже на площадке, нахожу в кармане куртки, листок с адресом Марии. Она хотела, чтобы я начал более тесное общение с женщинами. По ее теории так я смогу навести мосты со своим прошлым. Мосты меня не интересуют, но женщина, с которой мне нестерпимо хочется общаться тесно, есть. Это Мария.

Дверь на мой звонок открывает почему-то Демидов. Сонно таращится, словно не узнает. Потом тычет пальцем в часы.

– Ну, даешь... Ладно, заходи. Не все потеряно... Я в магазин. Надо немного винцом запастись ... Часок в твоём распоряжении есть. На разминку.

Он, подталкивает меня к двери комнаты и выходит, плотно закрыв за собою дверь.

Я ничего не понимаю, почему он здесь, зачем оставил меня на часок, но вхожу, оглядываю обстановку, перешагиваю порог второй комнаты и деревенею.

Это спальня. Утренний свет из окна и свет торшера откуда-то из-за кровати... и в этом световом коктейле молодая женщина надевает чулки. Одна нога ее поставлена на стул, и она, склонившись, поправляет уже надетый чулок, вторая нога на краю коврика. Тонкая ткань короткой сорочки дымкой обволакивает ее стройное тело, крепкие, вероятно еще не остывшие от горячей любви ягодицы, волнующие груди, одна из которых, коснулась колена, вторая, как наливное яблоко... Сорочка просвечивает насквозь и ее тело почти осязаемо. Женщина еще не видит меня и медленными движениями разглаживает чулок на своем восхитительном бедре. Потом она поднимает и поворачивает ко мне лицо, глаза ее чуть прищурены, как у кошки, которая ожидает, когда ее поглядят. Мария!

– Все же пришел? – спрашивает она. Ее улыбка парализует... – Ну, иди ко мне! – шепчет она, шире раскрывая свои кошачьи глаза. – Я верну тебя. Ты все вспомнишь...

Она протягивает ко мне руку...

Уже на тротуаре я пытаюсь вспомнить, как оказался на улице – спустился на лифте, по лестнице или выпрыгнул в окно? Скорее всего, по лестнице.

Домой я приволокся уже в полдень. Давно я так много не ходил. Взыгравшую вдруг энергию куда-то надо было деть.

В комнате я заваливаюсь было на диван, но еще не рассеявшееся видение не оставляет меня. Я вскакиваю и разворачиваю ватман...

Утренний свет из окна и свет торшера откуда-то из-за кровати... и в этом световом коктейле молодая женщина надевает чулки. Одна нога ее поставлена на стул, и она, склонившись, поправляет уже надетый чулок, вторая нога на краю коврика. Тонкая ткань короткой сорочки дымкой обволакивает ее стройное тело, крепкие, еще не остывшие от горячей любви ягодицы, волнующие груди, одна из которых, коснулась колена, вторая, как наливное яблоко.... Она еще не видит меня и медленными движениями разглаживает ткань чулка на своем восхитительном бедре. Сорочка просвечивает насквозь и ее тело почти осязаемо. ... Глаза ее прищурены, как у кошки, ожидающей, когда ее погладят, на припухших губах улыбка ...

Мария. Разве смог бы я доставить ей столько же радости и удовольствия как кто-то, оставшийся за пределами рамки? Кто там? Виден только угол кровати, край ковра и... ночник в розетке в форме розочки!... Я словно попадаю пальцами в эту розетку и как от электрического удара отбрасываю рисунок. Причем тут ночник?! Отхожу к окну, ото-двигаю край портьеры, долго стою, таращась на ночную улицу в огнях фонарей и автомобилей. Напрасны все иллюзии. Отгородить-

ся от видений прошлого не получается. Даже какой-то мелкий предмет несет в себе информацию, которую я не желаю знать. Даже эта маленькая пластмассовая розочка все равно как растяжка на мне и я боюсь к ней прикоснуться.

Ближе к вечеру меня озадачивает какой-то странный звук. Я даже не сразу догадываюсь, что это дверной звонок. Желание видеть кого-либо или общаться с кем-либо у меня отсутствует начисто и я осторожно, на цыпочках, пробираюсь к двери, протираю запылившийся глазок. Площадка, хорошо освещена, и я вижу Марию. Она смотрит в мою сторону, и я опускаю глаза, чтобы не поддаться гипнозу ее взгляда. Звонок повторяется, потом, через несколько секунд, вновь...

Когда я снова поднимаю глаза, она уже стоит у лифта. На ней светлый плащ, хотя на улице еще зима. На щеках легкий румянец, вероятно от холода. Губы в какой-то странной полуулыбке. Плащ эффектно облегает ее фигуру, особенно грудь, щедро открывает стройные ноги. Но это уже другая женщина, не та, что белым ангелом кружила над моей постелью. И все же рука, невольно тянется к торчащему в дверном замке ключу. Я готов укусить эту руку. К счастью, лифт во время распахивает свои створки и Мария исчезает в полумраке кабины.

Подхожу к окну, осторожно отодвигаю край портьеры и выглядываю наружу. Успеваю заметить, как в дверях трамвая мелькает ее плащ. Вагон трогается и я мысленно пере-

крестившись, одним глотком выпиваю свое «лекарство», каким-то образом оказавшееся под рукой.

Возвращаюсь на кухню и тщетно пытаюсь распутать весь бред минувшего дня. Я уже не уверен, что видел на площадке медсестру, что вообще был у нее дома. Не долечился? Под шкафом нахожу свой эскиз и несу его в комнату, к окну. Отдвигаю штору и при дневном свете вглядываюсь в рисунок. Женщина, которая поправляет чулок на своей божественной ножке и смотрит на меня лукавыми, зовущими глазами вряд ли Мария. Но эту женщину я где-то видел. Это ее ноги и руки когда то обвивали меня, тепло ее согревали мое тело...

Отходя от окна, я не зашториваю его плотно и оглядываю посветлевшую комнату. Конечно, так значительно лучше. И почему именно портреты? Почему не обнаженная натура? Я уже вижу не только женские лица, но и женскую плоть, мне уже небезынтересны детали женского тела, я их даже чувствую...

Я оказался прав, когда заявил в стационаре, что не женат и с женщинами никаких дел не имею. По крайней мере с того дня как меня проводили за порог психушки никто меня не доставал. Женщин я в принципе не боюсь, за исключением девственниц и беременных. Эти выбивают меня из колеи. И то, что выйдя из приемного покоя, я вместо натюрмортов вдруг стал изнемогать от желания изображать фрагмен-

ты женских тел, меня несколько озадачило. Видимо природа, которая по результатам исследования оставила меня в покое, вновь принялась за свое. Конечно же, во все виноват этот дурацкий аминазин, которым меня пичкали в психушке. Или в моей травмированной голове что-то не так срослось. В любом случае оформительские работы мне быстро наскучили и я, все чаще стал отвлекаться на рисование фрагментов женских тел, а в часы безлюдья, в соседнем саду, пристрастился копировать статуи. Ротозеев я не терплю, поэтому свои упражнения стараюсь проводить в часы относительного безлюдья.

В один из таких вечеров меня пугает женский голос. Аллея до этого была пустынна и ее голос из-за спины звучит неожиданно. Оглядываюсь. Молодая женщина оценивающе вглядывается в мои чертежи и заявляет, что моим шедевре явно не хватает жизни, а сама она любит позировать обнаженной. Она была бы рада вдохнуть оживление в мои рисунки.

Я понимаю это как попытку трудоустройства и объясняю ей, что рисование обнаженной натуры не совсем мой профиль и платить ей не смогу. А это так, развлекаловка. В ответ она фыркает и заявляет, что получает от этих сеансов «обалденный кайф» и этого ей достаточно. Вопрос о моем профиле она вообще не комментирует. Я в замешательстве. Рассчитываться с ней я смогу разве что изображениями ее собственного тела, и, похоже, это ее устраивает.

В назначенное время я слышу дверной звонок. Переступив порог, она объявляет мне, что зовут ее Таней. Она не страдает комплексами и готова позировать прямо от порога. Я предлагаю ей чаю, но ей не терпится увидеть себя на холсте. Я объяснил ей, что маслом не пишу, только карандаш и акварель... Монументальная живопись не мой профиль.

Пока она раздевается я, краем глаза оцениваю ее достоинства. Наверное, она догадывается, что я за ней наблюдаю, и откровенно поблескивает глазами. Видимо для нее это игра молоденькой шустрой мышки со старым котом

Закончив свои первые наброски, я приглашаю Таню посмотреть на мои художества. То ли она ни черта не понимает в живописи, то ли лукавит, но делает восторженный вид. По ее словам рисунки очень сексуальные, только вот почему не маслом и не на холсте? Было бы вообще потрясающе. Я еще раз терпеливо объясняю ей, что маслом не пишу, только карандаш и акварель. Монументальная живопись не мой профиль.

За несколько сеансов наши отношения устаканились. Таня уже не рвется проявлять инициативу, послушно принимает те позы, которые я от нее требую, но выражение ее лица мне нравится все меньше. Все реже появляется блеск ее глаз, впечатление такое, что ей уже наскучили наши сеансы. Я работаю без проявления эмоций и догадываюсь, что мое

поведение евнуха ее не вдохновляет. Она не знает, что свои желания я истребляю на корню, чтобы они не выросли в безжалостного дракона. Наверное, когда-то я прошел весь путь от острых зубов до заднепроходного отверстия, из которого вывалился в нынешнюю повседневность высосанным и дурно пахнущим. Быть вновь проглоченным мне не светит. Сегодня мне вполне хватает впечатления от обнаженного женского тела. Когда эти впечатления через край я, оставшись наедине с собой, лишь корректирую в памяти некоторые детали, позы. Остальное дело техники...

В тот вечер, когда наступил кризис я, закончив изображение очередной корзинки с фруктами, решаю лечь спать пораньше, хотя желание еще не пришло. Но, иногда, чтобы от решиться от всего, хочется уснуть летаргическим сном. Татьяну я не ждал, обычно она заранее предупреждает о своем визите и ее звонок в дверь меня удивляет. Перешагивает порог она в каком-то возбужденном состоянии, похоже, навеселе. На мой вопросительный взгляд отвечает одним словом «Хочу!». Потом проходит в комнату, к моей не заправленной постели и кладет на подушку крупную купюру.

– Не понял, – бормочу я.

– Хочу, чтобы ты рисовал меня. Перед критическими днями у меня округляется грудь. Смотри!

Она расстегивает свою летнюю куртку, распахивает кофточку, и грудь полностью обнажается.

– Разве это не красиво?!

У меня нет возражений.

– Ну да, – мямлю я – Только я как-то сегодня не настроен...

– На что?! – хохочет Танька.

Не дождавшись моего ответа, она приближается лицом к моему уху, и я чувствую легкий запах алкоголя.

– Художник должен быть настроен на творчество всегда. Это его секс.

– Я импотент, – в отчаянии обороняюсь я.

– Излечим! – решает Танька, сбрасывает куртку и выставляет на стол бутылку коньяка.

Не дожидаясь моего участия, сама приносит из кухни стакан.

– Выпей, художник! И у тебя сразу все поднимется.

Она сует мне стакан с алкоголем, и я сдаю позиции.

У меня какая-то апатия и берусь я за дело без энтузиазма. Позирует она недолго – то ей приходит в голову посмотреть, как у меня получается, то отправляется в туалет, то в ванную и продолжает лазать по квартире. Хотя я раньше ей никогда этого не позволял, но полученный гонорар коньяком и опьянение вносят свои коррективы. Я уже не обращаю на нее внимания и дорисовываю картинку по памяти. Закончив поднимаю голову, и меня парализует. Пока не понимаю отчего. Она стоит передо мной в пестром желтокоричневом халатике из тонкой льняной ткани, надетом прямо на обна-

женное тело. Ткань облегает ее фигуру так, словно халатик скроен по ней. Напуганный до смерти я спрашиваю, где она его нашла, хотя уже догадываюсь где. На том самом кладбище, за фанерной дверью, которое я сам обхожу седьмой верстой. Иногда у меня возникает желание плеснуть на нее бензина и чиркнуть спичкой ...

– Как ты открыла замок!? – трясет меня.

– Он был открыт. Я только потянула...

Уже не пытаюсь выяснить, какого черта она себе позволяет. Сидром вседозволенности возникает у натурщиц, которые взгляды художника принимают за взгляды мужчины.

Я шагаю к ней, уронив свой недописанный шедевр. Наверное, у меня страшное лицо, потому что она смотрит на меня испуганными глазами и поворачивается, чтобы бежать. Я успеваю схватить ее, она замирает, уже никуда не рвется и как будто даже подается ко мне. У меня съезжает крыша окончательно, и я валю ее на постель навзничь, заворачивая подол халата...

Провожая ее, я плету, что решил бросить это занятие, что у меня уже плохо со здоровьем ... Лучше займусь чем-нибудь другим.

В принципе я недалеко от истины, но, похоже, она не верит моим бредням, потому что неожиданно предлагает мне любую другую позу, какую бы я хотел. Выставляя ее на площадку, я понимаю, что другой дуры мне будет не найти и

придется сменить профиль.

Вернувшись в комнату, нахожу взглядом желтовато-бежевую тряпку – халат брошен на спинку стула. Я долго стою, уставившись на этот неожиданный сюрприз. Коррида! Потом начинаю вспоминать, что я неоднократно выбрасывал ее в окно, выносил в мусоропровод и как будто бы даже сжигал в эмалированном ведре. Я закоптил тогда всю квартиру и запах гари долго не выветривался. Или мне кажется? Может быть, по пьяне, спалил что-то другое. Я разворачиваю халат осторожно, как будто из свертка может выпасть змея. ... Я уже понимаю, что это халат какой-то женщины, которую я не хочу знать, не хочу вспоминать и, вообще, ничего не хочу. Черт побрал бы эту глупую натурщицу! Я приношу из кухни пакет, тщательно складываю неистребимую тряпку и снова торможу. Как с ней поступить? Снова сжечь, вынести в мусорный контейнер и..., чтобы она опять обнаружилась в моей же квартире?! Жаль, что меня не оставили в психушке пожизненно.

Я кружу по комнате, пытаюсь сосредоточиться, заканчивается это тем, что останавливаюсь у той самой кладовой, где Танька нашла этот халат, той самой, которую я обхожу седьмой верстой, стараюсь даже не касаться дверцы этого склепа, не то чтобы перешагнуть порог...

Долго не могу найти выключатель, пока не вспоминаю, что он на другой стороне от дверного проема. Затлевшая под потолком лампочка

освещает серые, лишь оштукатуренные и потрескавшиеся стены. На одной из них, на крючках, гора какой-то одежды. В углу картонные коробки со всяким хламом прикрытые тряпкой. На полу такая же тряпка накинута на что-то продолговатое, приткнутое к стене. Хотя определить рисунок ткани трудно – все покрыто слоем пыли. Склеп. Руки мои перестают слушаться, но я тянусь к этой гробнице стаскиваю накидку и долго осматриваю стопу полотен разных размеров в рамках и без рамок... Опускаюсь на корточки и медленно перебираю плоды чьих то творческих потуг. Подозреваю, что моих собственных. Некоторые из них мне что-то напоминают, другие словно не мной малеваны, но даже те, которые я узнаю, производят на меня какое-то тягостное впечатление. Черт меня дернул сунуться в кладовую, в этот склеп от которого я интуитивно шараялся... Эксгумация продолжается всю ночь и лишь на рассвете, окончательно офонарев, я выползаю в комнату, запираю дверь на амбарный замок и задаюсь вопросом, к чему бы все это. Перед тем как предстать перед высшим судом, человека одолевают картинки прожитого. Те картинки, что я рассматривал, еще ни-как не связаны с этим прошлым и у меня нет абсолютно никакого желания ворошить его, но меня никто и не спрашивает, Увиденные эпизоды, лица, даже пейзажи напугивают и вот-вот сорвут плотину, которой я из последних сил отгораживаюсь, но она уже трещит по всем швам...

Незапамятные времена. Аэропорт «Ржевка». Начинает накрапывать дождь, и я встаю под ветви большого старого дерева, одиноко торчащего на зеленом пятачке. Биолог из меня никудышный, но, думаю, что это сосна, и дереву не менее двухсот.

Узловатый ствол не производит впечатления живого, правда, темно-зеленая, крона, разметавшаяся над обочинной дороги единственное живое украшение поселения. Уже сквозь дымку отчетливо просматриваются полчища высотных зданий. Город наступает.

Наверное, я здесь не затем, чтобы горевать о проблемах первозданности. Размышления эти скорее уловка. На посадочную полосу только что приземлился небольшой самолетик. Бормотаний авиадиспетчера отсюда не разобрать, но думаю, что это тот самый, прибытия которого я ожидаю, скорее всего, в надежде, что рейс отменен, или что самолет давно прибыл, или еще что-то. Лучше даже «что-то»... Вглядываюсь в немногочисленную группу пассажиров высыпающих на поле и ищу знакомое лицо той, которой суждено погубить меня. Узнаю ее по голубому плащу.

Любые отношения, способные усложнить мою жизнь, я всегда обхожу седьмой верстой, а при малейшей опасности упираюсь, как кот, которого пытаются стащить с дерева. Но, похоже на этот раз я где-то дал маху. Вместо того, чтобы вцепиться всеми когтями я вдруг расслабился и только сейчас до меня стало по-настоящему доходить чем предстоящие

радости для меня обернутся. Эта особа со смазливой мордашкой, которая уже заметила меня, в лучшем случае сорвет мне экзаменационную сессию, но мне предстоит другой, более жестокий экзамен. Экзамен на прочность. Зачем мне эти искушения?! Я не из тех, кто считает себя не из этого стада. Каждый считает себя исключением, никогда не возвращается на дерево своей независимости благополучно. Свадебные кортежи я воспринимаю как похоронные дроги. И все остальные ритуалы... Не знаю, откуда это у меня взялось, может быть, природа в своем проекте допустила ошибку. А может быть все это приобретенное. Дано ли это нам знать?

Пытаюсь придать лицу нейтральное выражение, но боюсь, что диагноз заболевания виден издалека. Наташка уже близко, а мне все никак не справиться со своей гримасой обрадовавшегося идиота. Да и что там физиономия, уже из того, что я сюда приперся, можно сделать соответствующий вывод...

У нее новая прическа. Косит под взрослую. С ходу прижимается ко мне всем телом и целует в ухо, отчего я минуты две ничего не слышу. Какой-то рыжий мужик ставит рядом с нами чемодан и весь сияет, словно ему в рейсе удалось переспать с ней.

– Чемодан тяжелый и он предложил помочь, – различаю я ее голос.

Искося взглядываю на ее попутчика. Мне не нравится этот мужик, но я пожимаю плечами.

– Как у тебя дела? – спрашивает легкомысленность.

Я не понимаю, какие дела ее интересуют, и отвечаю наобум.

– Завтра экзамен.

– Последний?

– Если провалю, то последний... Почему не поездом?

Можно было пригородным, – спрашиваю я, стараясь подавить гнусное ощущение от ухмылки ее попутчика.

– Хотелось побыстрее, да и на самолете никогда не летала.

Маме сказала, что еду поступать в институт.

– На самом деле? – я поднимаю чемодан и тащу его к площадке, у которой изредка

притормаживают такси.

– Можно подумать, ты не знаешь, – дуется девчонка.

Как же не знаю. Знаю. Завтра мне вставят два балла по предмету, который абсолютно не лезет в голову с той минуты, как я расписался в получении телеграммы. Повернувшись в сторону, замечаю, что и рыжий мужик волочется следом за нами. Я опускаю чемодан на землю.

– Мы вам что-нибудь должны?! – цежу я сквозь зубы.

– Да нет, не знал где остановка, – прикидывается дураком рыжий и ускоряет свое перемещение к остановке, где, на удачу, появляется такси. Но, подлец, уже из тронувшей-ся машины помахивает рукой дурочке, что стоит рядом со мной.

– Что, дорожный роман? – не сдерживаюсь я.

– Да просто этот парень сидел рядом...

– Это парень?! – обалдеваю я.

– Ну, так и что?! Я просто сидела рядом на том месте, какое записано в билете. В самолете все сидят рядом с кем-то. Одиночных мест там нет.

– Все. Забыли, – привожу себя в чувство я.

Не хватало еще только, чтобы эта пигалица решила, что я ревную. С чего? К какому-то престарелому? Ведь оставил же я ее тогда в ее родном городке на растерзание сверстникам. Так нет, прилетела следом. В своем голубом плаще, который мы выбирали в ее городишке вместе.

Покупку тогда мы «обмывали» лимонадом «Буратино» и закусывали вафлями «Артек». Сидели на кроватях моего общежития, напротив друг друга и, когда я поднялся, чтобы принести салфетку, глаза ее заблестели, и она потянулась ко мне. Я опустил на колени, и мы впились губами друг в друга. Когда я оторвался, услышал ее шепот:

– Только я не умею...

Я тогда не сразу понял чего это она не умеет, а когда дошло, дурь в голове рассеялась моментально. Этого мне только не хватало! Я поплел, что один из моих соседей по комнате должен скоро вернуться, он мне только что позвонил. Девчонка выкатила на меня глаза, но спрашивать, в какое это место у меня вмонтирован телефон, не стала. Возвращаясь, я пообещал себе поставить точку. Пусть уж кто-нибудь другой...

Такси мягко и быстро несет нас в город. Слишком быстро, потому что я так и не собрался с мыслями, что мне делать дальше.

– У тебя правда завтра экзамен? – переспрашивает Наташка.

Я киваю. Мне бы следовало добавить, для ясности, что ее приезд, уже определяет прискорбную перспективу в моей учебе.

Ей даже и в голову не пришло поинтересоваться, жду ли я ее, нужен ли мне этот подарок – она просто поставила меня перед фактом, потому что знала, что никакого со-противления не будет. И, конечно, не ошиблась. Мне кажется, что наблюдая за самим собой, я мог бы создать блестящий трактат о деградации личности. Почему, уже поставив жирную точку я на полусогнутых понесся на аэродром?

– Куда тебя везти?

На ее лице удивление. Девочка еще не знает, что желание – это всего лишь заявка на результат. Которого может и не быть.

– А к тебе что... неудобно?

– Я сейчас в общежитии. Дома тете все никак не разобраться со своим семейством. У нее дочь с ребенком и она постоянно разводится с мужем. Квартира же у нас однокомнатная...

– Ну, тогда, наверное, в гостиницу...

Похоже, она вот-вот разрешится.

Уже проклиная себя, я порчу так удачно сочиненную прелюдию.

– Правда, она собиралась в Мурманск, к мужу. Надо позвонить...

Глаза у Наташки начинают светиться. Как у кошки. А сама, наверное, для нее просто серенькая мышка.

– Позвони, конечно, позвони... прямо сейчас.

Это уже похоже на руководство.

Автомобиль стучит колесами по трамвайным путям, круто поворачивает на Большой проспект и мое грядущее горе попадает в мои же объятия. Машина завершает поворот, а Наташка так и продолжает сидеть, прижавшись ко мне. Вопросительный взгляд водителя подсказывает, что мы уже приехали.

Я прошу ее подождать у подъезда. Вернуться через пару минут и соврать, что уже позвонил и узнал, что квартира занята, мне почему-то не приходит в голову. У телефона, который редко бывает свободным, никого нет. Набираю номер и не сразу верю тому, что слышу в трубке. Оказывается тетя, сама разыскивает меня. Ей надо уезжать – собралась следом за своей непутевой дочкой. Да и не когда-нибудь, а прямо сейчас. Ключ она оставляет у соседки... Мистика.

В такие подставки трудно поверить. Впечатление такое, словно все кем-то просчитывается, а сам я качусь в заданном направлении и не могу не то, чтобы свернуть в сторону, но даже притормозить,. Запущен целый сценарий, в фи-

нале которого определенно катастрофа. Я ее чувствую уже сейчас. Мне становится не по себе. Шарю по карманам в поисках сигарет и спичек и не сразу вспоминаю, что оставил все в машине. Иду к выходу и не знаю, как мне выкрутиться. Поскольку врать я патологически неспособен, надо как-то объяснить Наташке, что квартира свободна, но ночевать ей придется в гостинице. Выхожу из подъезда, так толком и не определившись. Отсутствие машины у подъезда отменяет мое выступление. Тупо смотрю на то место, где только что стояла «Волга» и ничего не могу понять. Вспоминаю мусолящий взгляд водителя через зеркало заднего вида, который он изредка задерживал на наших лицах. Этот маньяк воспользовался случаем и увез мою провинциальную дурочку. По логике я должен благодарить судьбу за это избавление, но, вместо этого бросаюсь к телефону-автомату, чтобы вызвать милицию. У будки натыкаюсь на свою потеряшку. Она торчит здесь же, со своим чемоданом.

– Не понял...?!!

– Шофер сказал, что время у него деньги. А тут еще подошла девушка и села...

Я решила, что это твоя знакомая. Она оглядывалась тебе вслед.

Выражение недоумения на моей физиономии видимо остается, потому что Наташка принимается уточнять:

– Ну, такая черноволосая, немного повыше тебя... Фигура

...как у Софи Лорен...

Я не верю в услышанное. Этого не может быть!

– Что-то не так? – спрашивает она, – Ну, подумаешь, возьмем другое такси. Вещи же я взяла.

– Я только отвезу тебя, а сам вернусь, – озвучиваю я, наконец, свое решение.

Лицо Наташки слегка розовеет.

– У меня завтра экзамен, – оправдываюсь я и спохватываюсь.

– Подожди, а где мой дипломат?

Девчонка хлопает ресницами.

– А я... я про него совсем забыла.

Досадливо машу рукой.

– Там что-нибудь ценное? – паникует раззява, но ее перепуганный вид сдерживает меня.

– Да ладно, ничего особенного, сигареты, да конспекты...

– Но дипломат-то жалко, – как будто бы сокрушается Наташка.

– Может ты запомнила номер? – спрашиваю я.

Вопрос как отвлекающий маневр. Я все еще в недоумении.

– Не запоминала я никаких номеров, – говорит она отвернувшись. – Поедем в гостиницу.

Согласно киваю, но непонятно почему-то несу совсем иное:

– Ну, зачем лишние расходы. Деньги тебе еще пригодятся.

Квартира свободна.

– Правда?! А ты останешься?

– У меня завтра экзамен, – как попугай повторяю я.

Ловить такси мне кажется делом бессмысленным, и мы идем на остановку трамвая. На площадке никого нет похоже, что линия закрыта на очередной ремонт. Я уже начинаю подумывать, не отправить ли ее, на самом деле в гостиницу. Открываю рот как раз в тот момент, когда на перекрестке появляется знакомые огоньки. Трамвай абсолютно пустой. Вероятно, идет в парк и сейчас проскочит мимо, но снова происходит невероятное. Вагон останавливается и распахивает двери. В салоне нет, не только кондуктора, но и сидений. Вдоль стен какие-то станки. Меня уже не удивляет, что трамвай больше не останавливается ни на одной остановке и, соответственно никто их и не объявляет. Вероятно, предназначение этого рейса довести нас до Купчино. Где-то на середине пути трамвай, наконец, останавливается и в вагон вкатывается толстушка с сумкой и тарашится на нас.

– Вы откуда?

– Из России, – признаюсь я.

Тетка явно без юмора.

– Это же технический.

– Да нам, в общем-то, все равно...

– Знакомые что ли? – не столько спрашивает, сколько делает вывод тетка и отворачивается, но перед тем как забраться на свое смотровое кресло уточняет:

– Выходить то где?

– На кольцо.

Интерес кондукторши к нам пропадает и она, откинувшись к стенке, закрывает глаза. На вид ей где-то около тридцатника. Вероятно, проблудила минувшую ночь. Едем молча и долго. Только в самом конце пути Наташка оборачивается ко мне.

– Как же ты теперь без конспектов? Не сдашь?

– Да не в этом проблема, конспекты чужие.

– Чьи? Женьки. Приятеля. Он учится на дневном.

– А по учебникам... никак?

– Как, – усмехаюсь я. – Только начинать читать их, надо было год назад.

– А чего ж не учил?

– Да мешали тут всякие, – фыркаю я.

– Ну, если уж я такая помеха, то отвези меня на вокзал, – обижается она, но мне нравится ее реакция.

– Да не о тебе речь ...

Мы приехали. Блудливая тетка продолжает спать и благословить нас некому.

Во дворе нашего дома никого нет. В лифте на секунду обнимаю Наташку за плечи. Жест примирения. Дальше опасно. На примирение она согласна и уже льнет ко мне. Я хватаюсь за чемодан как за спасательный круг, хотя мы еще в пути. На площадке тычу пальцем в кнопку звонка соседней

квартиры. Дверь открывается и в проем высовывается встре-панная бабуленция. К моему появлению видимо, готова и без вопросов протягивает мне связку ключей. Замечает мою спутницу и сияет, словно подсмотрела нас в замочную скважину. Конспирация нарушена.

Тетя оборудовала дверь системой запоров, словно филиал швейцарского банка. Я открываю один замок, другой, проталкиваю Наташку в комнату, и пока она озирается ищу письменную инструкцию. Тетя не может без инструкций. По ее убеждению все дети, вне зависимости от возраста недееспособны и им нужно руководство. Наставление нахожу на кухонном столе, где сообщается, что продукты закончились, но деньги под письмом. Завершается послание напоминанием, что при расчете в магазине следует проверить сдачу, не отходя от кассы. Я нахожу деньги и оборачиваюсь к своей подруге, которая все еще торчит в дверях. Объясняю ей, что мне надо идти в магазин за продуктами. Желательно вдвоем, чтобы мне лишний раз не возвращаться. И без того безрадостное лицо ее становится совсем унылым. На площадке объясняю, какой ключ, от какого замка, но она смотрит куда-то мимо. Выйдя из подъезда, я предлагаю ей запомнить ориентиры. Она молча кивает, но с таким видом, что я уже сомневаюсь, найдет ли она дорогу обратно. Или я сам что-то сочиняю...

– Ты хоть что-то запомнила? – не выдерживаю я.

– Нет, – бубнит она.

У кассы протягиваю ей сумку с продуктами. Она берет ее неохотно.

Мы выходим.

– Идти надо вот в тот подъезд...

– Скажи, – поднимает на меня глаза девчонка. – Ты совсем меня не любишь?

Это уже игра не по правилам.

– Я не хочу, чтобы все произошло так, спонтанно, – нахожусь я.

– Ну, так ничего бы и не случилось, – хлопает ресницами Наташка.

– Я же не какой-то там... робот. Разве смогу я что-нибудь усвоить в такой ситуации?

– Ну прими какие-нибудь таблетки, – советует девчонка.

– Какие?!

– Ну, какой-нибудь... контрасекс...

Я фыркаю.

– Прости, я сказала глупость, – розовеет лицом Наташка.

– Ну, мне пора, завтра позвоню, – целую ее в щеку. Глаза у нее влажные. Явная атака на мою

психику. Расчет верный. Если задержусь еще на секунду, капитуляция неизбежна и я срываюсь с места.

В вагоне однако я мечусь по задней площадке, словно мне смазали задницу скипидаром. Убеждаю себя, что необходимо отрешиться от всего и броситься в науку. К черту ее ножки, ее наивные глазки. Завтра у меня экзамен. Да, конечно,

у нее соблазнительная фигурка, хотя я только раз видел ее обнаженной, но видение засело во мне как мина замедленного действия... Все, хватит! Если я не смогу выключить это изображение оно меня погубит. Перед глазами должны торчать не ее рельефные ягодицы, а французская литература. Завтра экзамен! – убеждаю я себя. Ноль эмоций...

Я расхаживаю по комнате общежития и продолжаю тщетные попытки сосредоточиться на учебе. Получается плохо. Мысли уползают совсем в другом направлении – по улице Софийской во второй подъезд, через прихожую, к дивану, на котором в томном ожидании полулежит молоденькая женщина ...

Как назло в комнате никого. Алешка, наверное, опять хлопчет о стипендии, которой его вечно лишают, а Женька, пытается ему помочь. Тоже, как всегда. Миссия у него не из легких, – к Лешке в деканате относятся с предубеждением. Его постоянный зуд высказываться на любую тему, лишь бы вразрез с той позицией, которой придерживается руководство не остается без внимания. Настраивать против себя власть имущих это его талант. Однако средства на свое содержание он вымогает у противной стороны.

Зачем Алешке диплом непонятно. Самой пакостной профессией он считает ту, которую мы избрали. Мне кажется, что его удерживает именно старание деканата вытолкнуть его за борт. Тем более, что самый устойчивый интерес у оппозиционера не к журналистике а к рисованию. Приступы

творческих мук у него обостряются тогда когда надо засесть за учебники. Стилль, который он избрал, мне непонятен, хотя я сам когда-то учился в детской художественной школе. В любом случае это далеко не классика. Конечно, есть немало картин, которые мне нравятся, но есть и такие, которые я принять не в состоянии. Считается, что это свидетельствует об индивидуальном вкусе, но я думаю, что точно также можно говорить и об отсутствии какого-либо вкуса вообще...

Свои вернисажи он устраивает в коридорах общежития, а однажды развесил в аудитории университета, где нам втемяшивали теорию и практику партийно-советской печати. Влияние дурака всегда заканчивается для него хвостами, после чего нашему старосте приходится подключаться к компании по спасению местного Пикассо от голодной смерти.

В окно неожиданно влетает знакомый женский голос. Я не верю ушам. Выходит Наташка в самом деле видела Милену. Смотрю вниз. Во дворе никого нет.

– Куда смотришь? – смех раздается над головой...

– Милена! – ору я как полоумный, еще не найдя ее взглядом. Переворачиваюсь на спину. Она машет из окна своей комнаты. Я не ошибся, она здесь. Это мое спасение.

– Иди, забери свой дипломат.

Я совсем не бабник, правда женские умопомрачительные детали производили на меня впечатление, но я никак не мог зацепиться хотя бы за одну, пока не встретил в коридоре об-

щежития эту южанку и не почувствовал, что у меня наконец-то, где-то что-то шевельнулось по-настоящему. На мой ошеломленный взгляд она ответила улыбкой, в которую я не сразу поверил. На другой день попытался заговорить с ней о чем-то совершенно беспредметном. Она внимательно посмотрела мне в лицо, участие в словоблудии не приняла, но и не послала куда подальше... Хотя в ее взгляде не было ничего обещающего, но глаза ее застряли в моей памяти.

Тем утром я проспал начало лекции в университете и, решив уже не торопиться, отправился на кухню, сварить кофе. Все были на занятиях, и я не предполагал, что кого-нибудь встречу, потому из одежды натянул на себя лишь тренировки. Выспался я превосходно, правда, перед утром меня стали доставать эротические сновидения. В таком состоянии и вывалился на кухню, где, как продолжение сна, встретил ту самую, которая только что заставляла меня стонать в подушку. На ней был не полностью застегнутый, черный атласный халатик, обтягивающий ее классную фигуру. Увидев меня Милена остановилась, ее щеки слегка порозовели, наверное, от моего безумного взгляда. Впервые я тогда не испытал неловкости оттого, что мои желания так, по-наглому, выпирают... Не знаю, преследовали ли и ее неостывшие желания, но мы шагнули навстречу друг другу. Глаза ее заблестели еще больше, губы дрогнули, движением руки она задела застегнутые пуговицы... врата в рай распахнулись. Удержать рвущееся из тренировок непослушание у меня уже не было сил ...

Мы подумали о том, что на кухню в любую минуту мог войти кто-нибудь из праздношатающих или из obsługi, только когда на горелке от ее кофейника осталась одна ручка.

Расстались мы так же молча, только на прощание Милена чмокнула меня в щеку. Может быть, в знак благодарности за доставленное удовольствие. Может быть за то, что я, хоть и не без ее помощи, справился с задачей. Но я понял это как то, что она не придает большого значения случившемуся. Так, мимолетный приятный эпизод. Меня это устраивало, поскольку в ином раскладе я рисковал провалиться в болото непредсказуемых отношений, которого опасался.

Самым ценным в нашей связи было то, что, если меня начинали доставать мысли о другой, я всегда мог спрятаться под ее юбкой и не застрять там.

Милена в комнате одна. Она встречает меня с еще не просохшими после душа волосами, пахнущая какими-то незнакомыми приятными духами, в своем неотразимом атласном халатике и, похоже, без нижнего белья под ним.

– Так ты не уехала?

– Изменились обстоятельства. Решила задержаться.

– И это ты угнала такси?

– Я вижу, ты даром времени не теряешь! – не отвечает она на мой глупый вопрос и протягивает мне мою пропажу.

– Что ты имеешь в виду? – прикидываюсь я валенком.

Милена фыркает.

– Да это так, просто знакомая, – в наглую вру я. Оказывается, иногда к этому приходится прибегать.

– Да?!

Пухлые губы Милены растягиваются в язвительную улыбку. Это меня озадачивает. Что-то новенькое.

– Она из той деревни, где я служу, – поясняю я, по-прежнему не понимая, зачем ей это нужно.

Видимо последняя информация ей, на самом деле неинтересна, потому что она не реагирует на нее. Да и действительно, какая разница, из какой она деревни. Я усаживаюсь на тумбочку, между спинками двух кроватей.

– Дай мне сигаретку, – неожиданно просит она.

Я достаю из дипломата сигареты и протягиваю ей пачку.

– Ты говоришь неправду. Интуиция женщину редко подводит.

Это мне уже совсем не нравится. Она никогда не интересовалась, есть ли у меня кто. Я считал, что ей это и неинтересно. Так же как и мне не приходило в голову, что не с одним мной она оказывается наедине на кухне ...

– Не из-за этой ли девчонки ты ушел с дневного?

– Я тогда ее и не знал, – выкладываю я на этот раз чистую правду.

Она подходит ко мне вплотную и внимательно смотрит в лицо своими черными, блестящими глазами.. Она красивее и женственнее Наташки, уже по этой причине находить-

ся с ней в одной комнате опасно, но в этой опасности как раз мое спасение. Она тот самый противовес, который должен помочь мне выдержать экзамен, на который я по глупости подписался. Притягиваю ее голову, целую в мягкие, влажные губы.

– Ты вне конкуренции, – шепчу я ей на ушко, но чувствую что-то неладное.

Вижу ее глаза и не узнаю их. Обычно излучающее мягкий призыв и готовность они теперь заряжены чем-то колючим то ли укором, то ли насмешкой. Этого мне только не хватало! Похоже, рушится тот самый баланс, на котором держались наши несложные отношения....

– Я тебя не узнаю. Неужели, в самом деле,... ревнуешь? – все еще не верю я и притягиваю ее к себе плотнее. Под тонкой тканью халатика чувствую ее упругое тело и бор-мочу, что зря она выдумывает всякие глупости, что я безумно хочу только ее. По ходу не слишком убедительного монолога подталкиваю ее к кровати. По ситуации мне достаточно подтолкнуть ее и она опрокинется на постель. Еще одно движение и пуговицы разлетятся по сторонам.... Думаю, что на распахнутом халатике она не сопротивлялась бы, и это, наверняка, доставило бы ей удовольствие. Говорят, что большинство женщин, настоящее удовольствие получают только в капитуляции перед грубой силой. Но, я потенциально не способен к насилию и в этом моя слабость. Сопротивление женщины, даже если я догадываюсь, что это театр, парали-

зует меня.

– Может быть, тебе со мной, не очень..., – бормочу я в замешательстве.

– Да нет... Сейчас придет Катя.

– Миленочка..., мурлычу я словно кот, которого пообещали погладить.

– Ночью я буду одна, Она уезжает в деревню, – добавляет Милена и теперь голос ее звучит уже совсем не как у следователя на допросе. А в глазах проявляется то самое долгожданное, зовущее

Как подтверждение ее слов за моей спиной щелкает замок двери и из-за шкафа закрывающего видимость высыпают канпушки соседки. Она из вундеркиндов, совсем соплюха и по виду тянет разве что на семиклассницу. Катя собирает в свой рюкзачок ка-кие-то тряпки, потом мельком взглядывает на нас.

– А че вы дома? Сегодня такой обалденный вечер. Тепло и дождя нет.

Ребенок явно не понимает, чем мы здесь могли бы заняться...

В ответ я бормочу, что сейчас не до прогулок и что я зашел только затем, чтобы за-брать конспекты.

У двери оглядываюсь. Катя стоит ко мне спиной, а Милена провожает меня взглядом. Я улыбаюсь ей и киваю. Она на секунду прикрывает глаза. Договор подписан.

Опускаясь по лестнице, я пытаюсь проанализировать ситуацию. Несмотря на полученные гарантии скорой встречи, я понимаю, что наши отношения осложняются. Отчего все-таки она встала на дыбы? ... Темперамент? Она же итальянка, хоть и наполовину. Даже когда меня разыскивает, орет из окна на всю улицу... Наверное уже весь университет знает, что мы с ней... И в то же время в постели она будто умирает... Иногда, правда, что-то шепчет. Будто бредит.

А может быть ей действительно неприятно было видеть меня с другой? По тому самому примитивному принципу, когда ненужная вещь, попадая в чужие руки, вдруг становится дорогой. Скорее всего, она и наше такси перехватила у подъезда, чтобы толком разглядеть Наташку. Захотелось посмотреть поближе на возможную соперницу? Обычное женское любопытство. И еще тщеславие. И ничего больше. Я пытаюсь представить, как Милена садится в такси с кем-нибудь... ну, предположим, с Женькой, ... Конечно, я вряд ли смог держать у их постели свечку, а вот так, на улице, ну да ради бога!... Значит здесь что-то не то...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.